

Аглайда
Лой

Портрет
с отрезанной
головой

Аглаида Владимировна Лой

Портрет с отрезанной головой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62777556

Портрет с отрезанной головой:

ISBN 978-5-00165-166-6

Аннотация

«Порой мне представляется, что человеческая жизнь – это шахматная партия с неограниченным набором игровых комбинаций, причем, доска, на которой она разыгрывается, тоже обладает бесконечным набором клеток». Эту фантастическую идею одной из героинь романа «Бедный Юрик» явно разделяет и сам автор: настолько причудливо и непредсказуемо переплетаются судьбы его персонажей.

В центре повествования – молодые люди 70–80-х годов прошлого столетия, свободные от предрассудков и малость сгазу, что всегда свойственно юности. Истории их жизни разворачиваются на фоне происходящих в стране событий. На эти годы пришелся не только период застоя, но и пик сексуальной революции. Любовь, ревность, выбор сексуального партнера, стремление к счастью, – чувства, которые движут героями романа, создавая неповторимый узор повествования.

Повесть «Портрет с отрезанной головой» можно определить как «бремя страстей человеческих». Роковое влечение двух женщин является стержнем повествования, на который

нанизываются бусины судеб других персонажей, создавая цельную картину мира, внутри которой они живут и действуют.

Содержание

Бедный Юрик	5
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Аглаида Лой

Портрет с отрезанной головой

Бедный Юрик роман

Ощущение прошедшего времени напоминает аромат увядшего цветка. Писатель возвращается в прошлое в тщетной надежде оживить этот цветок и вновь заставить его цвести.

З. Л.

В молодости знакомства завязываются так же легко и естественно, как светит солнце, или идет дождь. Однажды вечером Юрик посетил обычное пятничное сборище у Натали, и в скором времени безо всякого напряжения сделался неотъемлемой частью нашего тесного мирка.

Восьмидесятые годы прошлого века – время по-своему замечательное. И не только потому, что мы были молоды, полны сил, и в голове роилось планов громадьё, но ещё и потому, что все мы были малость сгазу и совершенно беззащитно пользовались своей личной свободой. Те «просветлённые» личности, которые нынче постоянно треплются насчет

ужасов тогдашней советской тирании, всеобщего угнетения и жуткого тоталитаризма, либо не жили в то время, либо обитали в каком-то параллельном измерении, либо цинично и бессовестно зарабатывают свои тридцать сребреников, отплясывая фейковый гопак на прошлом и делая на этом свой маленький (а порой и довольно солидный) гешефт.

Итак, в один прекрасный день Юрик оказался в нашей дружной компании, да так и прижился у нас. А приживались далеко не все. Ибо мы тогда мнили себя интеллектуалами и обожали на полном серьезе обсуждать спорные проблемы индивидуального и общечеловеческого бытия, вследствие чего кто попало в нашем «избранном» кругу надолго не задерживался. Причем, не задерживался вовсе не потому, что к нему относились свысока, пытались унижить или нарочито демонстрировали собственное превосходство; все гораздо проще: человеку, не обремененному философскими проблемами бытия, очень скоро становилось с нами неинтересно, и он незаметно исчезал из поля зрения.

Ко времени описываемых событий часть из нас уже имела высшее образование, однако никто пока ещё не обрёл семью, а потому все мы были совершенно свободны и находились в состоянии перманентного поиска второй половинки, что подразумевало периодическую влюбленность всех во всех, впрочем, не одновременно, а поочередно. Наверное, когда ты сам не задействован в этом процессе, наблюдать за ним со стороны весьма занимательно: любовные отношения воз-

никали, доходили до стадии настоящей страсти, затем постепенно угасали, и вспыхивали вновь, но уже по отношению к другим партнерам.

Костяк нашей компании составляли три молодые женщины: Натали, Таша и я. Три подруги, знакомые по многу лет. И хотя мужчины зачастую потешаются над женской дружбой, она существует и, уверена, бывает гораздо крепче мужской. Итак, три молодые женщины чуть за двадцать, плюс молодые люди примерно того же возраста, которые им нравятся, которым нравятся они, которые... Впрочем, здесь существует множество вариантов, и всё зависит от фантазии читателя, потому что кто кому нравится и кто в кого влюблен – иногда сам черт не разберет.

Но лучше уж все по порядку.

Был вечер пятницы. Середина лета, самая его маковка, пик, вершина, после которой оно, ускоряясь, неумолимо покатится к осени; расчудесное времечко, когда у всех двуногих наблюдается прилив сил и хорошее настроение. Наша компания обычно собиралась именно в преддверии уикенда, чтобы подольше растянуть удовольствие общения, обменяться последними новостями, а то и познакомиться с новыми людьми, которые волею случая нередко оказывались среди нас; впрочем, мы были рады очередным знакомцам: новые лица, новые отношения, в этом всегда присутствовало нечто интригующее и волнительное.

Эти пятничные посиделки, зачастую переходившие в суб-

ботние, в те годы, как правило, проходили в однокомнатной квартире Натали (остальные пока еще не обзавелись жилплощадью и обитали вместе с родителями). В тот вечер она как бы между прочим упомянула нам с Ташей про одного интересного молодого человека, с которым недавно познакомилась. По ее словам, Юрик – студент, учится на заочном и работает в том же институте лаборантом, к тому же, начитан, любит кино, очень вежлив, обходителен и, вообще, воспитанный молодой человек, что в наше время большая редкость.

Однако самым притягательным для Натали, безусловно, было то, что Юрик – потомок прибалтийских баронов; к превеликому сожалению, аристократичная приставка «фон» к его фамилии давным-давно потерялась где-то на просторах России, канув в Лету во времена безумных исторических катаклизмов 20-го века. Он был чистокровный немец. Семьи его родителей в начале Отечественной войны были сосланы в Сибирь, да так и остались там жить. Позднее там же повстречались и создали семью его мать и отец. Натали познакомилась с ним на дне рождения у сокурсницы и сразу на него запала. Она всегда питала непонятную слабость к благородному происхождению и вообще ко всему аристократическому, созданному ее романтическим воображением по книгам Александра Дюма, Виктора Гюго, Вальтера Скотта и других романтиков 19 века. Это увлечение оказалось не только милым, очаровательным, но еще и весьма полез-

ным: благодаря ему позднее она взялась за изучение французского языка, заинтересовалась французской литературой и историей, а также подпала под обаяние западного кинематографа. Через нее и я невольно приобщилась к изысканным сочинениям и фильмам Жана Кокто, о котором Натали, в свою очередь, узнала, увлекшись Жаном Марэ, снимавшимся в таких удивительных фильмах середины прошлого века, как «Вечное возвращение», «Орфей», «Смерть Орфея», – и других столь же поэтических и замечательных картинах.

Таким образом, я и Таша были подготовлены к явлению Юрика и с нетерпением ожидали его прихода. Невооруженным глазом было видно, что Натали им увлечена, хотя и старается не показывать вида; разумеется, это разожгло наше любопытство невероятно: понравиться ей – надо было уметь. И когда в дверь позвонили, а затем в комнату вошел высокий парень, мы уставились на него с нескрываемым интересом. Разочарованы мы не были, по крайней мере, я точно, потому что Юрик производил очень приятное впечатление. Темно-русые, очень густые, выющиеся волосы красиво обрамляли его удлиненное, действительно, аристократичное лицо с правильными чертами. Не красавец, но весьма симпатичный молодой человек, с налетом благородства, как нам тогда показалось. Первое впечатление по счастью не было обманчивым. Юрик и в самом деле оказался человеком воспитанным, деликатным и благородным, хотя моментами и не без ослиного упрямства, как выяснилось впоследствии. При

взгляде на него у меня сразу возникло ощущение, что он на кого-то очень похож, и я весь вечер мучилась по этому поводу, пока в голове вдруг не всплыло имя – Макс фон Сюдов. Ну, конечно же, он напомнил мне молодого Макса фон Сюдова из фильмов Бергмана.

В тот летний вечер вся наша компания была уже в сборе, кроме Сержика, появление которого с мучительным нетерпением ожидала Таша. Натали усадила Юрика в кресло возле журнального столика, сама уселась в кресло напротив, я и Таша поместились на софе, Коля, еще один наш тогдашний приятель, неровно дышавший к Натали, устроился на табурете, принесенном из кухни. Порой, замечая, как он смотрит на нее, я испытывала жалость, потому что она лишь кокетничала и флиртowała с ним, не принимая их отношения всерьез. На столике стояла непочатая бутылка сухого вина, Юрик тоже что-то принес. Натали извлекла бокалы из «стенки», Юрик раскупорил сухое вино и разлил по бокалам. Чокнулись, выпили за знакомство и заговорили о кино. Натали была настоящим киноманом, выписывала «Искусство кино» и различные его аналоги на чешском, польском, румынском и даже венгерском. Хотя нет – на венгерском был не журнал, а роскошный двухтомный кинословарь. Со всех этих языков она переводила статьи про своего абже (так она всегда называла Жана Марэ), а затем аккуратно клеивала их в особый альбом, иногда я ей помогала. Однажды переводили с румынского заметку о фильме «Горбун», и почему-то это ока-

залось гораздо сложнее, чем переводы с французского или итальянского, хотя румынский тоже принадлежит к романской группе языков; но какой-то он более заковыристый, что ли.

Наше обычное общение касалось самых различных областей искусства и литературы, в основном, это были кинематограф, театр и книги. Читали все и помногу. Интересные книги ходили по рукам, часто это бывал самиздат; перепечатки передавали из рук в руки, иногда буквально на один день или даже на ночь. В этом смысле нам повезло: Таша служила в одной хитрой организации, где можно было переснять любую ценную книгу, чем она периодически занималась в нерабочее время. Конечно, начальство гоняло сотрудников за подобную «подпольную» деятельность, но как-то не очень, короче, смотрело сквозь пальцы. Таким не совсем обычным образом, в распечатках, ко мне попали «Сказка о тройке» и «Гадкие лебеди» Стругацких, «Три дня Ивана Денисовича», Кастанеда и масса еще чего – сейчас даже не припомню. Каждый из нас, к тому же, выписывал по несколько литературных журналов, в которых как раз в эти годы начали печатать произведения авторов, долго находившиеся под спудом цензуры. Мы жадно поглощали все новое и непривычное, бывшее прежде под запретом. Обменивались журналами с остросоциальными на тот момент романами, имевшими непривычно критическую направленность. И спорили, спорили.

Только-только стало входить в обиход видео. В тот вечер оказавшийся в центре внимания Юрик самозабвенно пересказывал нам одну из серий «Кошмара на улице Вязов», которую на днях посмотрел у знакомых на видеомагнитофоне, и мы с огромным любопытством внимали ему, потому что в кинопрокате ужастики еще не показывали, а видеосалоны появились чуть позднее. Однако, посмотрев несколько подобных фильмов, я была крайне разочарована и отношение к самому разнообразному хоррору у меня в корне поменялось: Голливуд гнал подобную продукцию безостановочным конвейером.

Единственным человеком в нашей компании, не слишком внимавшим повествованию Юрика, была Таша, которая страшно нервничала и прислушивалась к любым шагам на лестничной площадке; Сержик запаздывал (а мог и вовсе не появиться), и это приводило ее в состояние легкой неврастности. О, да! Это была любовь. Любовь настолько сильная и всепоглощающая, что у Таши периодически «сносило крышу». Впрочем, настолько сильной и всепоглощающей она была лишь с ее стороны, ибо Сержик отнюдь не демонстрировал столь же бурного ответного чувства. Да, он встречался с Ташей, и она ему, в общем-то, нравилась, но относительно истинного глубокого чувства с его стороны возникали большие сомнения. И это не было моим чисто умозрительным заключением: Таша постоянно плакалась мне в жилетку по поводу неверности Сержика, которого она (отнюдь не бес-

почвенно) подозревала если не во всех смертных грехах, то уж в изменах точно.

Вот и сегодня, ожидая заветного звонка в дверь, она сидела как на иголках, а Сержик все не шел и не шел, хотя еще вчера, когда они общались по телефону, клятвенно обещал ей явиться вечером к Натали. К сожалению, из Ташиного печального опыта следовало, что обещание это не то чтобы ничего не значило, но им вполне могли пренебречь. В душе она и сама понимала, что вырвала обещание силой, вернее, упреками и обвинениями, а потому сомневалась в его искренности. Но, в конце концов, пусть и с большим опозданием, любимый мужчина все-таки появился и окрыленная Таша тотчас бросилась к нему, за руку подтащила к софе и усадила подле себя. Явно будучи уже хорошо подшофе, Сержик сразу потянулся к бокалу, провозгласил тост за знакомство, чокнулся с Юриком и жадно выпил вино. И тут же решил повторить. Сидя подле него, Таша млела от счастья и всячески за ним ухаживала. Избави боже от такой любви.

Поставив бокал, довольный жизнью Сержик непринужденно включился в беседу, недавно он ходил в филармонию слушать стихи Марины Цветаевой в исполнении Яхонтова и был весьма впечатлен. Потом разговор перескочил на «Сталкера» Тарковского, в сюжете которого явно просматривались «Пикник на обочине» и «Гадкие лебеди» Стругацких. Смысл бытия всегда интересует молодых, поэтому обсуждение философских проблем являлось одной из самых живо-

трепещущих тем наших разговоров. В то время все мы были атеистами, впрочем, большинство так и остались неверующими, несмотря на происшедший в России исторический катаклизм, когда выброшенные из своего привычного существования люди пытались ухватиться за любую идею или веру, лишь бы остаться на плаву и выжить. Якорем спасения часто становилась именно религия, безразлично какой конфессии, которая буквально из пепла восстанавливала разрушенный жестокими обстоятельствами внутренний стержень человека и помогала ему смириться со сложившейся ситуацией.

Включили радиолу. Исполненное страсти старое танго, немного смешное и милое, как винтажная одежда, долго провисевшая в шкафу и внезапно опять вошедшая в моду, невольно рождало в воображении любовные страсти времен немого кино. И, черт возьми! – в этом что-то было. Разумеется, Таша танцевала с Сержиком, Натали пригласил Юрик, меня – Коля. Потом поставили ритмичную музыку и радостно принялись отплясывать шейк. Энергия у всех была ключом, в интеллектуальных спорах ее не потратишь, так что в танце отрывались по полной – только пол подрагивал, – и это, безусловно, не радовало соседей снизу, о чем через некоторое время нас известил донельзя обозленный товарищ в трениках и майке-алкоголичке. Соседи через стенку тоже недолго терпели наше веселье и скоро принялись стучать в нее кулаком. Музыка пришлось приглушить и темп

плясок свести к минимуму.

Чтобы не слишком бесить соседей, Натали села к пианино, полистала ноты, подозвала меня, и негромко заиграла романс «Ямщик не гони лошадей». Мы с ней уже давно спелись и обожали исполнять старинные романсы, которые тогда еще не были в моде, но нравились нам обоим, да и всей нашей компании тоже. Пела я не профессионально, зато с большим чувством, и народ с удовольствием внимал домашнему музицированию, попивая вино и дымя сигаретой. Когда прозвучали последние аккорды романса, попросили спеть еще что-нибудь душевное. Давай «Темно-вишневую шаль», сказала я Натали.

Время бежало на удивление быстро и незаметно переваляло за полночь. Когда ты молод, друзья имеют в твоих глазах значительно больший вес, чем родители и вообще старшее поколение, которое воспринимается сборищем ретроградов, ни черта не смыслящих в жизни, тогда как ты знаешь и понимаешь все на свете. Быть может, мы бы подольше задержались у Натали, расходиться никому не хотелось, однако Таша нервничала, рвалась домой и тащила за собой Сержика, обещавшего ее проводить. И это было вполне понятно и простительно: родители отбыли на дачу, оставив в полном ее распоряжении трехкомнатную квартиру. А провести целую ночь вдвоем с любимым – Ташина заветная мечта и высшее счастье, хотя Сержик с удовольствием остался бы в нашей компании еще на неопределенное время, уходить ему

явно не хотелось. Однако спорить со своей нынешней пассивностью ему было лень, и скоро он отдался на милость победительницы.

Натали сварила крепкий кофе «на посошок», дала отстояться и разлила по чашкам. Выпили горячий смоляной кофе без сахара, немного встряхнулись и стали прощаться. Возможно, Натали намеревалась оставить Юрика у себя, однако ревновавший ее Коля сделал все, чтобы этого не случилось, и буквально поволок его за собой, применив физическое насилие, впрочем, в дружеской форме.

Выйдя из подъезда на улицу, мы мгновенно погрузились в настоящую летнюю благодать. Теплая ночь конца июля широко раскинула густо-фиолетовые совиные крылья и ласково обняла ими огромный город, придав необычайную мягкость ночному эфиру, внеся в окружающее нотку волшебства. А звезды... а луна... Одинокие автомобили почти не нарушали установившейся тишины. Ветер был наполнен запахами трав и какой-то особой свежести, которые он прихватил в полях за пределами городской черты.

Таша и Сержик ушли вперед. Она взяла его под руку и выглядела рядом с ним удивительно хрупкой и маленькой. Познакомились они прошедшей зимой, когда она отправилась на свадьбу к приятельнице, бывшей родом из небольшого городка Алтайского края. Гуляли три дня, как положено. Сержик тогда оказался в числе приглашенных со стороны жениха. Когда вернулись домой, он позвонил ей пер-

вым – и закрутилось-завертелось. Скоро Таша влюбилась в него без памяти. На мой сторонний взгляд, Сержик совершенно не заслуживал такого всплеска чувств, который вызвал в душе у Таши. Справедливости ради замечу, что сложен он был прекрасно, как древнегреческий атлет и, по словам Таши, один местный скульптор настойчиво приглашал его в свою мастерскую, чтобы лепить с него статую Аполлона, но ленивый Сержик отказался. Темно-карие, слегка вытянутые к вискам глаза, на зависть женскому полу опущенные густыми черными ресницами, правильные черты лица, проникновенный взгляд, – все эти богоданные прелести безотказно действовали на женщин, чем молодой Аполлон беззастенчиво пользовался. Не удивительно, что Таша безумно его ревновала.

Скоро влюбленная парочка скрылась из виду. Я проводила их взглядом и тихо вздохнула, было немного жаль Ташу, но и зависть слегка карябала – это ж надо так влюбиться!.. Коля с Юриком о чем-то негромко беседовали, но я не прислушивалась, наслаждаясь магией июльской ночи; просто шагала рядом с ними, совершенно растворившись в ночи, слившись с ней в единое целое, и остро ощущала удивительную гармонию мироздания. Столь пронизывающее чувство магической сущности окружающего возникает, вероятно, только в юности, когда человек заново открывает для себя мир. Почти полная луна, вернее, лунища, потому что казалась на редкость огромной, картинно всплывала над гори-

зонтом. Домой идти не хотелось, и мы шли медленным прогулочным шагом, стараясь продлить удовольствие и насладиться прелестью короткой летней ночи. Ребята проводили меня до подъезда, мы попрощались, тяжелая входная дверь на мощной пружине захлопнулась.

Субботнее утро выдалось хмурым. Дождя не было, но серая безнадежная пелена, казалось, на веки вечные затянула небосвод. Я еще валялась на диване, пребывая в блаженном состоянии полусна, когда раздался телефонный звонок. Телефон помещался на журнальном столике рядом с диваном – стоило руку протянуть. Звонила Таша. Донельзя взволнованная и расстроенная. Ей непременно и срочно нужно было встретиться со мной, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. В трубку она не рыдала, но явно была на грани срыва. Правильно, зачем вообще нужны подруги, если нельзя поплакаться им в жилетку? «Ладно, приходи, – сказала я. – Да что случилось-то?..» «Он ушел рано утром. Представляешь? Сказал, что у него дела – и ушел. Нет, я не могу так... не могу...» Послышался громкий всхлип. «Все. Прекрати. Я тебя жду». – И я повесила трубку. Утро обещало быть нескучным.

Ташу я знала с детства. Если точнее, с семи лет, когда отец получил двадцатиметровую комнату на пятом этаже семиэтажного многоквартирного дома по адресу Фрунзе 1а. В двенадцатиметровой комнате нашей двухкомнатной квартиры проживала уборщица тетя Даша с сыном-подростком, а в соседней квартире, через стенку, обитала Ташина семья

– у них были две смежных комнаты в просторной трёшке. Дом был по-своему замечательный. Выстроен по индивидуальному проекту, что подразумевало наличие различных архитектурных украшений, включая замечательную ажурную башенку, на которой круглосуточно дежурил пожарный, и – трехметровую высоту потолков. И хотя это был практически самый центр Новосибирска, вокруг царил сплошной частный сектор. Теплоцентрали тогда еще были в новинку, и наш дом отапливала собственная котельная, работавшая на угле и обеспечивавшая нам центральное отопление.

В школу мы с Ташей пошли в один год и оказались в одном классе. В отличие от меня, она всегда была излишне эмоциональной. Хотя было бы неверно считать, что я человек не эмоциональный, скорее, более сдержанный и скрытный. Росли мы фактически вместе. Но если мои родители мало в чем меня ограничивали, то Ташу держали под постоянным и жестким контролем. Я гуляла на улице, сколько хотела и где хотела, а моя подруга непременно должна была вернуться домой к восьми вечера – и ни минутой позже, иначе следовали репрессии в виде не отпускания гулять и тому подобные ограничения дееспособности. Вернуться ровно к восьми было сложно: часов у нас не было, носились мы во дворе, словно угорелые – ну, как тут упомнишь про время?

Зимой в валенках лазили по пояс в снегу, крутили сальто с заборов в сугробы; летом нашим пристанищем становилась площадка для тренировок пожарной команды, располагав-

шаяся поблизости от нашего дома, там были выстроены различные снаряды, на которых тренировались пожарные. Но особенно нас привлекала деревянная конструкция, имитирующая фасад дома, по которой огнеборцы поднимались с использованием переносных лестниц на высоту примерно пятого этажа. Имелась на этом фасаде и наружная стационарная лестница, которая тянула нас, как магнит. Именно ей мы и пользовались во время своих игр. Нужно было с разбегу взобраться по ней до уровня второго-третьего этажа, затем ухватившись за косяк имитации большого окна, переступить с лестницы на «подоконник» и уже затем спрыгнуть на площадку внутри конструкции. Там, внутри, тоже имелись ведущие наверх лестницы, однако нас они не слишком привлекали. Свалиться с высоты пять-десять метров можно было запросто – но в этом и состоял весь азарт игры. Дотягиваясь одной рукой и ногой до «подоконника», при этом стоя на хлипкой перекладине лестницы, ты ощущал, как замирает сердце от страха, и старался не смотреть вниз, чтобы не сорваться. В общем, тренировались наряду с пожарными расчетами в свободное от их занятий время. Конечно, нас постоянно гоняли. Тогда мы изо всех сил неслись к забору, перелезали через него и оказывались вне досягаемости пожарных, которые, впрочем, не очень-то нас притесняли – что-то вроде игры в догонялки. Ну а если все-таки ловили, следовал строгий выговор с предупреждением и слегка по попе.

По причине излишне строгого родительского воспитания,

Таша с детства была несколько истерична, легко плакала по самым разным поводам и любила страдать. Есть такие люди, которые буквально жить не могут без драм и трагедий – скучно им, что ли? Но, вместе с тем, подвижная и тонкая нервная организация придавала Таше врожденную артистичность. В отличие от меня, увлеченной астрономией, в подростковом возрасте ее привлекали живопись и археология, позднее она собирала альбомы по живописи. Каюсь, я страшно завидовала огромному, прекрасно изданному альбому Боттичелли, который она однажды умудрилась кому-то подарить. А когда я не выдержала и попеняла ей на это, она очень расстроилась и заявила, что непременно подарила бы его мне, если бы я только заикнулась. Но я даже заикнуться на этот счет боялась – для меня это было настоящее сокровище: в те годы я боготворила Боттичелли. С ранней юности все влюбленности Таши носили налет мелодрамы. Не то чтобы они и в самом деле были несчастливыми, но для полноты жизни и чувствования ей требовался драматический накал. И если ее страдания порой отражали реальный характер отношений с очередным возлюбленным, то во многих других случаях просто высасывались из пальца. Однако за многие годы знакомства мы настолько сроднились, что я воспринимала ее драматические истории, как некую данность, в которую почему-то то и дело оказываюсь вовлечена. Вот и теперь, ожидая подругу, я была сравнительно спокойна: интересно, что у нее стряслось на этот раз?!

Явилась Таша в растрепанных чувствах. Подкраситься, впрочем, не забыла. Поздоровалась с мамой и сразу прошла в мою комнату. Я устроилась на диване, она – в кресле. Я вопросительно уставилась на нее.

– Все. Это конец, – трагическим голосом сообщила Таша и надолго умолкла. Я тоже молчала, несколько заинтригованная подобным заявлением.

– Понимаешь, он ушел!

– Как ушел? В каком смысле?

– Да в самом прямом. А вчерашний вечер был таким чудесным... – Она помолчала, сдерживая слезы, и снова заговорила: – Помнишь, какая сказочная была ночь? Тепло, луна светила, словно волшебный фонарь – настоящее колдовство. Мы шли до самого моего дома пешком. Шли медленно и молчали. Я держала его под руку, порой мы соприкасались бедрами – и тогда, веришь, меня по-настоящему било электрическим током. – Увидев отразившееся на моем лице сомнение, с жаром продолжила: – А вот представь! Однажды меня от кофемолки шарахнуло, шнур оголился – так ощущение такое же. Не знаю, как это объяснить, я не физик. Да к черту все объяснения!.. Потом поднялись ко мне. Дальше – сама понимаешь – секс и любовные игры. Все было так хорошо... – Она горестно вздохнула. Повисла долгая пауза. Сделав над собой усилие, сказала с надрывом: – Я ведь его даже ни разу ни в чем не упрекнула.

– Не упрекнула? – переспросила я. – А надо было? На мой

непросвещенный взгляд, в столь интимной ситуации лучше обходиться без упреков, даже если он это тысячу раз заслужил.

– Ты ничего не понимаешь!

– Куда уж нам, убогим, постичь высокие материи... Только мне кажется: хочешь удержать мужчину, необходимо гладить его по шёрстке, а не против. По меньшей мере, до ЗАГСa. По шёрстке, по шёрстке, понимаешь? А не наезжать! – Для пущей наглядности я изобразила рукой в воздухе, как именно надо гладить этот воображаемый венец творения, ласково, с тихим воркованием – даже Таша не выдержала и улыбнулась. Я тоже усмехнулась: – Пойми, мужчины не любят упреков – это будит у них чувство вины. Что само по себе неприятно и раздражает.

– Я же не совсем его упрекала.

– То есть как?

– Я говорила, что люблю его, что никто и никогда не будет любить его так, как я, что он единственный и самый-самый на всем белом свете.

– Ну, в таком контексте это то, что надо, – глубокомысленно заметила я и вздохнула. Разговор обещал быть долгим, с разбором всех психологических нюансов его и ее поведения, а я еще даже не завтракала. Поэтому поинтересовалась: – Кофе будешь? – Она кивнула. И я отправилась на кухню молоть арабику.

Само собой она двинулась следом, отодвинула меня в сто-

рону и стала готовить кофе сама. Я передала ей бразды правления, села возле стола и, подперев рукой щеку, наблюдала, как она колдует над джезвой. Таша слыла большой поклонницей натурального кофе, почти кофеманкой, коллекционировала рецепты приготовления этого восточного эликсира молодости и часто делилась со мной вновь обретенными знаниями. Так, например, сегодня она добавила несколько кристалликов соли, чтобы «напиток раскрыл весь свой букет». Я с любопытством следила, как она священнодействует, тихо радуясь про себя, что хотя бы на короткое время отвлекла ее от страданий по ненаглядному Сержику.

Держа на весу кофейные чашечки, мы вернулись в комнату. Таша снова устроилась в кресле. Я возле столика на диване. Она сделала несколько глотков, похвалила удачно получившийся напиток, поставила чашечку на журнальный столик и продолжила свою исповедь:

– Говорю тебе, все было так хорошо, мирно, по-домашнему... А потом я все испортила. Сама. Это уже ближе к утру – светало. Короче, полное фиаско. Все, все испортила!

Она собралась было заплакать, но я резво вмешалась:

– Какого черта испортила? Зачем?

– Да ни зачем! Мы лежали на диване, моя голова у него груди, я слышала биение его сердца, чувствовала его запах – это было настоящее счастье. И тут, как назло, в мою голову полезли всякие дурацкие мысли. Не то чтобы дурацкие... – она прерывисто вздохнула. – Видишь ли, причиной моего

расстройства стала одна история, которую на днях рассказала мне знакомая, даже не приятельница, просто девушка, которая тоже присутствовала на свадьбе, где я познакомилась с Сержиком.

– И что же такое ужасное она тебе поведала? – не смогла я удержаться от легкой иронии.

– Да уж поведала, – насупилась Таша, уловив мою интонацию. – На прошлой неделе она ездила вместе со своей компанией на пляж. Был там и Сержик. Они знакомы чуть ли не со школы. Ну, купались там, загорали, пили пиво и все такое.

– Не вижу никакого криминала.

– Не было никакого криминала, кроме одного «но»... С ними поехала бывшая пассия Сержика – Антонина, – в которую он, говорят, был сильно влюблен.

– Тонька, что ли?

– Она самая.

– Но она сейчас вроде бы дружит с Пашей...

– Сейчас с Пашей, а раньше с Сержиком – они же друзья детства.

– Сержик, Тоня и Паша? Надо же! Вот не знала.

– Да нет, Сержик с Пашей. И вообще, это не имеет значения. Хотя... имеет. Потому что Паша без ума от Тони и хочет на ней жениться. А Сержик постоянно крутится рядом, сует нос в их отношения и пытается все испортить.

– Обычное подлое мужское поведение. Если получил отставку, или даже сам бросил – все равно будет стараться дер-

жать женщину при себе, как собака на сене.

– Точно. Так оно и есть. – И Таша снова вздохнула, глубоко-глубоко. Помолчала, собираясь с мыслями, потом сказала: – Ладно бы только пытался испортить им отношения, это хотя бы понятно. Дело в том, что на пляже Сержик растянулся на песке неподалеку от Тони и негромко говорил ей, что все еще любит, называл «родная моя»...

– Вот ведь кобелина! – вырвалось у меня. – А откуда тебе это известно?

– Та знакомая и рассказала, ну, со свадьбы. Она оказалась неподалеку от них и невольно подслушала.

– А ты уверена, что не врёт? Может, сама влюблена в Сержика и хочет тебя от него отвадить?

– Абсолютно уверена. У нее есть бой-френд, через месяц она за него замуж выходит.

– Ну, тогда он воистину кобель!

– Вот именно. При этом я совершенно убеждена, что Тоню он давно не любит, я бы почувствовала. Но и отпустить окончательно не хочет. Сама видишь, причин злиться на него и ревновать у меня предостаточно.

– С этим не поспоришь, – согласилась я.

– Только между нами, – она наклонилась ко мне и перешла почти на шепот, – ты даже не представляешь, насколько я его ревную – с ума схожу. Не смотри так, я нисколько не преувеличиваю. Он доводит меня до настоящего помешательства. Если бы ты знала... Секс у нас просто сума-

шедший. Ну, скажи, чего ему еще не хватает?! Когда я звоню ему домой, он вечно занят, куда-то торопится, какие-то неотложные дела. Получается, я для него на последнем месте. Чувствую, чувствую, у него кто-то есть! Сама посуди: договариваемся по телефону о встрече, железно договариваемся, обещает прийти – и не приходит. Это так тяжело. Я так невозможно несчастна, – и по лицу ее потекли слезы.

Я искренне ей сочувствовала: Сержик, конечно, сволочь еще та! Но – чем здесь поможешь? Ситуация патовая.

– Все-таки, что конкретно случилось? – спросила я. – Опять эмоции зашкалили?

– Вот именно, зашкалили. Ужас просто! – Плакать она перестала и обреченно уставилась в пространство, словно воочию видела все происшедшее ранее. – Убей меня, я не выдержала – и выдала ему все насчет Тоньки. Что он до сих пор ее любит. Что нагло мне лжет, будто больше ни с кем не спит. Что пренебрегает моими звонками. Что... ну и дальше в том же духе, по полной программе.

– А он что?

– Сначала молчал. Потом доказывал мне, что все вовсе не так, как я себе представляю. Тут я не выдержала и разрыдалась. А когда он начал уверять меня, что Тоня просто друг, окончательно вышла из себя.

– То есть устроила сцену, – подвела я итог ее грустной исповеди.

– В общем – да, – смущенно подтвердила она.

– Ой-ля-ля... – я только головой покачала. – И дальше что?..

– Он долго меня успокаивал, потом разозлился, обозвал истеричкой и ушел, хлопнув дверью. Это уже утром было.

– Да... Комментарии, как говорится, излишни.

– Вот именно. Он никогда, никогда мне больше не позвонит, не придет, не обнимет. Он бросил меня... – и она тихонько заскулила на одной ноте, как побитая собака, явно готовясь опять разрыдаться. Меня это совершенно не устраивало, да и действовало на нервы, так что я попыталась изменить ее отчаянное настроение к лучшему, убеждая, будто ничего страшного пока не произошло. Наконец, мне это надоело.

– Хватит уже слез. Слушай меня! – рявкнула я. – Мужчины к женщинам весьма снисходительны, особенно, когда они их ревнуют и страдают из-за них. Дай время – сам позвонит. Только ты ему ни в коем случае не звони!

– Правда? Ты так думаешь? – Она с надеждой уставилась на меня. Слезы мгновенно высохли.

– Даже не сомневайся! И – хватит на сегодня трагедий. Идем к Натали. Она уже, наверное, проснулась и, в отличие от меня, смогла принять душ.

– Ох, извини, я не дала тебе нормально встать.

– Ладно, чего там! Зачем еще друзья существуют? – Я тихонько вздохнула. – Вот сейчас соберусь – и вперед. На улице лето, красота, все цветет и пахнет! И у тебя все устроится,

поверь мне.

– Спасибо. Ты настоящая подруга, – растроганно сказала Таша и тотчас деловито прибавила: – По дороге возьмем бутылочку сухого.

– И бутылочку возьмем, и расскажешь Натали свою тяжелую историю. Чем больше рассказываешь – тем легче на душе. – Говорила я, одновременно собираясь. – Ну, все, я готова. Вперед и с песней! – Впервые за это утро лицо Таши просветлело.

Вот только Натали нашему неожиданному вторжению не слишком обрадовалась. На субботний день у нее имелись свои планы, и потому встретила она нас неласково.

– Ну и зачем явились? Почему заранее не позвонили? Сколько можно напоминать, что надо предварительно договариваться! – высказывала она нам свое недовольство, стоя в проеме входной двери и не пропуская нас в прихожую.

– Прости, пожалуйста, не сердись, – униженно заныла Таша. – Я вот к ней, – кивок в мою сторону, – вообще с утра напросилась. – Это просто кошмар... Натали, я этого не выдержу: Сержик меня бросил! – и она заплакала. Однако не навзрыд, а тихонько, чтобы не будить любопытства соседей.

– Ладно, заходите, – смилостивилась Натали, – а то эта наверняка уже подслушивает. – И она отступила в сторону, пропуская нас внутрь.

Под словом «эта» подразумевалась соседка напротив. Соседи Натали достались, прямо скажем, беспокойные. Распо-

ложение квартир в девятиэтажном панельном доме постройки 70-х годов прошлого века общеизвестно. Обычно мы поднимались на лифте на седьмой этаж, где располагалась однокомнатная квартирка Натали, и сразу сворачивали вправо, в небольшой темный коридорчик. Двери квартир Натали и беспокойных соседей смотрели друг на друга. И не только двери. Хозяйка соседней трехкомнатной квартиры имела троих детей. Старший сын был нормальным, женат, жил отдельно. Средняя дочь – отличалась резвостью и уже имела маленькую дочь неизвестно от кого, потому что замужем никогда не была. И, наконец, младшенький – вовсе никудышный, периодически садился в тюрьму за воровство, а когда его выпускали, пил и буянил. Помнится, однажды мы сидели у Натали в теплой дружеской компании, отмечая, кажется, 7-ое ноября, как вдруг в дверь раздался отчаянный стук, сопровождаемый громкими воплями соседки. Дверь открыли. Она залетела внутрь и тотчас заперла замок. С воплями, рыданиями и матом сообщила, что за ней гонится с топором младшенький. Дикий стук в дверь, сопровождаемый отменной руганью и угрозами прибить мать, тотчас подтвердили ее слова. Глухие удары, по-видимому, обухом топора, доказывали, что угрозы нешуточные. Однако Коля и Сержик, парни крепкие и весьма спортивные, бесстрашно открыли дверь, отобрали топор и малость наподдали младшенькому, чтобы не наглел. Соседка резво подхватила тотчас угомонившегося сыночка под белы ручки и уволокла в свою кварти-

ру. В тот раз дело тем и закончилось. К сожалению, подобные стрессовые ситуации повторялись и в дальнейшем, пока младшенький опять не загремел в тюрьму, где вскорости и помер.

Но «милые детки» являлись в некотором роде одной стороной соседской медали. Второй стороной было нездоровое любопытство соседки к личной жизни Натали, что выражалось в постоянном подглядывании в глазок и подслушивании через дверь. Так что Натали, которая терпеть не могла посвящать кого-либо в свою личную жизнь, шифровалась, как какой-нибудь шпион в тылу врага. Если на ночь у нее оставался очередной бойфренд, утром, прежде чем выпустить его из квартиры, она в глазок смотрела в коридорчик, нет ли кого? Что отнюдь не гарантировало сохранение тайны, ибо, стоило ей отпереть дверь, как противоположная дверь тотчас приоткрывалась, и соседка с любопытством тарасилась на ее приятеля. Создавалось впечатление, что она просто дежурит у двери сутки напролет. На нервы это действовало ужасно. К счастью, по натуре Натали была типичным сангвиником и старалась относиться к «любопытной Варваре» с долей юмора.

Итак, мы прошли в комнату и устроились возле журнального столика. Раскупили бутылочку, и Таша в красках поведала о своих страданиях, на сей раз Натали. Стоит отметить, что подробностей относительно ужасного поведения Сержика стало значительно больше, и теперь они выглядели

живописней, что ли, в результате чего ее любимый мужчина выглядел настоящим монстром. Что замечательно, обвиняя его в изменах и пренебрежительном к ней отношении, она при этом не уставала повторять, насколько он удивительный: умный, красивый, нежный и, наверное, все же ее любит. Мы сочувственно слушали ее нескончаемый монолог, изредка вставляя реплики. Сейчас ей явно требовались слушатели, а не собеседники. Наконец, окончательно выдохнувшись, она умолкла. В молчании мы продегустировали принесенное вино, потом Натали заметила:

– По-моему, ты излишне драматизируешь ситуацию. Появится твой Сержик, не горюй. Ну, куда он денется?

– Нет, это конец, – возразила Таша. – Я ему такого наговорила...

– Да хватит уже про Сержика, – решила я поменять тему разговора. – Ты-то чего на нас взъелась?

– Да потому что звонить надо и договариваться, прежде чем неожиданно свалиться на голову, – сердито попеняла нам Натали. – Ко мне вот-вот должна приятельница заехать, мы еще неделю назад договорились. Надежда, ты ее знаешь, – обратилась она ко мне. – В институте в одной группе учились. Хотела пообщаться с ней, узнать как дела: тоже вроде бы несчастная любовь и пр. Да и о сокурсниках разузнать намеревалась.

– Извини, мы тогда пойдем, – засуетилась Таша.

– Черт с вами, оставайтесь! – махнула рукой Натали. – В

конце концов, она не настолько близкая приятельница, переживу.

Естественно, мы остались. И скоро в дверь позвонили – подошла та самая приятельница, о которой она упоминала. Прежде я несколько раз виделась с ней у Натали на каких-то праздниках, или просто по пятницам, уже не припомню. Звали ее Надежда. Не сказать, чтобы красавица или миленькая, так, ни рыба ни мясо. Но компанейская. Любила петь, танцевать, хорошо смеялась, искренне. Одета была ярко и модно: юбка-спиралька, обтягивающий батник иностранного производства. От природы темно-русые волосы окрашены в ярко-белый цвет, что не слишком ей шло. Однако выглядела она достаточно эффектно, хотя... при некоторых недостатках кожи лица волосы лучше было бы красить в не столь вызывающий блонд.

Каюсь, в кардинальной смене цвета ее волос оказалась повинна именно я. Вообще-то, Надежда была человеком приятным и достаточно воспитанным, но стоило ей выпить, как тормоза у нее ослабевали, и она начинала заигрывать со всеми мужчинами подряд, не обращая внимания, с девушкой они на тот момент, или же нет. Это, конечно, сильно раздражало. Однажды, когда мы с ней пересеклись на 9-е мая у Натали, она вела себя достаточно беспардонно по отношению к нашей общей приятельнице, и я сильно на нее взъелась. Ну, нельзя так хамить и нагло отбивать парня на глазах у его девушки! Я вышла покурить в кухню, через некоторое

время там появилась Надежда и тоже закурила. И тут меня понесло. Я принялась проникновенно убеждать ее, насколько к лицу ей будет сделаться блондинкой (тогда у нее был еще русый цвет волос), хотя все было в точности наоборот, и ярко-белый цвет ее бы только портил. Пар я тогда, конечно, выпустила, даже не подозревая, какое впечатление на нее произвели мои слова. Потому что когда мы встретились в следующий раз, Надежда уже была яркой блондинкой, и мне не оставалось ничего другого, как громко восхищаться, насколько ей идет подобный цвет волос. О, женщины...

Надежда тоже захватила с собой бутылочку, и мы окончательно осели у Натали. Примерно через час позвонил Юрий, и сразу был приглашен в компанию. Время незаметно текло в приятной и необязательной беседе. Юрий рассказывал, что в следующем году ему предстоит защищать диплом. Натали с Надеждой над ним слегка подтрунивали. Я припомнила, как несколько лет назад сама Натали писала диплом, и как на почве переутомления у нее малость «съехал чердак». В тот год она еще проживала на старой квартире вместе с мамой и бабушкой. Я зашла навестить пропавшую из поля моего зрения подругу. Моему приходу она вроде бы обрадовалась. Сказала, что диплом у нее практически готов, скоро защита, но она так устала, что голова вообще не варит. Единственный отдых, который она себе тогда позволяла – дуться в карты с бабушкой. Это снимало напряжение. Бабушка у Натали была своя в доску. Иногда вместе с ней они выкури-

вали по сигаретке, пуская дым в печку, чтобы мать не учуяла (тогда в многоквартирных домах на кухне еще стояли дровяные печи). К моему удивлению, она тут же достала колоду карт и предложила сыграть в кинга. Мы устроились на диване и сыграли несколько партий. Выигрывала, в основном, она. Потом я распрощалась и ушла, пребывая в некотором недоумении.

– Забавно, а я ничего этого не помню, – призналась Натали. – Неужели все время в карты дулась с бабушкой?

– И меня заставила. Ты тогда вообще выпала из реальности. Потом защитила диплом и пришла в себя.

Посмеялись немного над причудами сознания вообще и сознания Натали в частности. И тут опять зазвонил телефон. Ну, кто еще там? – раздраженно вырвалось у Натали. Она поднялась с кресла и сняла трубку. Разговаривала недовольным голосом.

– Дома... Сидим... Ну, не знаю... Сейчас спрошу... – И повернувшись к нам, сообщила: – Это Сержик. Хочет подъехать. Вы как, не против?

Бедная Таша изменилась в лице. Взглянув на нее, я поспешно сказала:

– Да пусть приезжает! В конце концов, мы все уже здесь.

– Приезжай, – обреченно произнесла Натали и положила трубку.

А вечер обещает быть занимательным, подумала я, и не ошиблась.

Когда раздался дверной звонок, Таша внутренне напряглась и застыла как статуя, вероятно, пытаясь унять волнение. Сержик вошел, как ни в чем не бывало поздоровался со всей честной компанией и тут же устроился в кресле. Разумеется, он тоже прихватил с собой вино, и посиделки продолжились. Мы с Натали старательно делали вид, будто понятия не имеем, что они с Ташей вдребезги разругались. Любопытно было наблюдать за обоими любовниками: Таша изо всех сил пыталась изобразить равнодушие, не давая разыграть эмоциям, а Сержик делал безразличное лицо, будто вчера ночью между ними ровным счетом ничего не произошло. В данный момент это, кажется, вполне устраивало обоих. Как говорится, было и быльем поросло.

Настроение некоторых женщин изменчиво, как морской бриз. Еще сегодня утром Таша пребывала в состоянии глубочайшего горя и переживала настоящую трагедию (ну, может, немного переигрывала), теперь же, устроившись рядом с Сержиком, внимала его словам, словно дельфийскому оракулу, смеялась его шуткам, шутила сама – и была совершенно счастлива. Природная артистичность присутствовала в ней всегда. И если уж она устраивала сцену, или закатывала истерику – то непременно в присутствии зрителей, ну, хотя бы одного. Вот и сегодня, явившись ко мне в самых расстроенных чувствах, она не только не забыла подкраситься, но еще облачилась в летнее цветное платье макси, прикрывавшее щиколотки и нацепила нитку крупного искусственно-

го жемчуга, болтавшуюся ниже пупка. Русые густые волосы и короткая стрижка под мальчика – последний писк сезона – удачно подчеркивали оригинальность ее внешности. Даже длинный породистый нос нисколько ее не портил, придавая своеобразный шарм. У меня даже закралась сакраментальная мыслишка, уж не предвидела ли она заранее, что Сержик может появиться у Натали?.. Нет, это вряд ли. Скорее, очень надеялась, ведь надежда умирает последней.

Надежда, которая до прихода Сержика вела себя вполне прилично, увлеченно расписывала, как съездила к родственникам в Одессу, где накупалась на сто лет вперед, загорела, как черт (она действительно была черной, как эфиопка), и даже умудрилась закрутить роман с москвичом, весь вечер беззастенчиво флиртовала с Юриком. Но едва появился Сержик в облике мачо, тотчас оценила вновь прибывшего красавца и сделала на него охотничью стойку, дав Юрику отставку. Быть может, иногда сам того не желая, Сержик действовал на женщин, как свет лампы на мотыльков, у него был врожденный животный мужской магнетизм.

Немного засиделись и решили потанцевать. Натали поставила пластинку с ритмичной музыкой, и мы дружно, в меру своих способностей, взялись отплясывать чрезвычайно популярный тогда шейк. Дверь на лоджию была распахнута. Несмотря на это в квартире было очень жарко, и неудивительно – на улице плюс тридцать. Скоро я запыхалась и вышла освежиться на лоджию. Вдоль перил стояли ящики

с цветами. Из них бесстыже свесились сочно-зеленые плети настурций, усыпанные ярко-оранжевыми цветами, одуряющее пах аллисум; ночная фиалка и табаки, дремавшие в дневное время, с наступлением сумерек начинали источать упоительные ароматы. Разноцветные махровые и игольчатые астры, действительно напоминающие звезды, невольно останавливали взгляд, заставляя любоваться ими помимо воли. Странно, но не любившая лишних забот Натали, всегда трогательно ухаживала за своим балконным садом.

Я курила и смотрела вдаль: с седьмого этажа открывался замечательно живописный вид на протекавшую неподалеку речку Каменку, крутые склоны берегов которой были плотно застроены одноэтажными домиками в окружении сиреневых садов и огородов. Скоро ко мне присоединилась Натали. На лоджии было все же приятнее, чем в квартире – дул легкий освежающий ветерок, – и в помещение возвращаться не хотелось. Мы болтали о том о сем, немного сплетничали о старых знакомых, припоминая, кто за кого вышел замуж, кто уехал из города по направлению, а кто и вовсе пропал из виду. Оказывается, в город ненадолго нагрянул Вова-пионер и интересовался у Надежды телефоном Натали, о чем та сообщила ей только что. Быть может, позвонит, с сомнением сказала Натали.

Еще в студенческие годы она питала к нему прощительную слабость: высокий, породистый, с дворянским гонором и вообще «белый человек», – высшая оценка с ее стороны.

Без сомнения, она была в него немного влюблена, хотя называла исключительно Вовой-пионером и иронизировала на его счет. Как-то раз я случайно пересекалась с ним, без предупреждения зайдя к ней в гости, это было еще на родительской квартире. Они сидели вдвоем в ее маленькой комнате, раскрасневшиеся и несколько смущенные моим приходом. Довольно быстро сообразив, что в данной ситуации стала третьей лишней, я простилась и ушла. Невооруженным глазом было видно, что Натали неровно дышит к этому длинному парню, похожему на одного известного актера. Позднее она рассказала мне, что он и в самом деле племянник этого актера, однако судьба его сложилась нелегко. После возвращения на родину из Харбина, отец и его родной брат, дядя Вовы-пионера, были арестованы и сгинули где-то в лагерях на лесоповале. Воспитывала его тетка, у которой были свои дети, и лишний рот оказался в тягость, о чем она не забывала постоянно напоминать мальчику; проживали они в деревянном старом бараке с печным отоплением и удобствами на улице. Поэтому Вова-пионер вырос очень ранимым человеком с кучей комплексов.

Заговорившись, мы совершенно забыли про остальных. И напрасно. Потому что из комнаты сначала послышались громкие женские голоса, а затем женский вскрик и звуки борьбы. Мы переглянулись и бросились в комнату. Представшая нашим взорам картина впечатляла. На ручке кресла, в котором устроился Сержик, восседала Надежда и, на-

клонившись к нему, обнимала рукой за шею. Вид у нее был взъерошенный и злой. Но еще более взъерошенный и злой вид имела Таша. Глубоко возмущенная наглым поведением Надежды, она стояла возле кресла и высказывала ей все, что про нее думает, в не совсем печатных выражениях.

– Вот ведь паскуда! – в сердцах воскликнула Натали. – Ну что с ней делать? Как напьется, вешается на всех мужчин без разбора. Девочки, прекратите! Надежда, кончай дурить!

– А что такое? – нагло поинтересовалась Надежда, обводя всех невинными голубыми глазами. – Мы просто разговариваем, – и она ласково взъерошила Сержику волосы. – Видите, ему нравится...

Судя по довольной физиономии Сержика, ему действительно очень нравилась сложившаяся ситуация. Он прямо-таки кайфовал оттого, что из-за него ссорятся женщины, а потому в скандал не вмешивался – просто сидел и ждал продолжения. И оно не замедлило последовать. Таша, и так ревнивая по натуре, всего за несколько секунд окончательно впала в ярость и превратилась в настоящую фурию. Ухватив Надежду за руку, она принялась стягивать ее с ручки кресла. Обиженная столь невежливым обращением, та всячески сопротивлялась и, чтобы удержаться, хваталась за Сержика, что еще больше бесило Ташу. В конце концов, ей удалось сдернуть конкурентку с ручки кресла, оторвав от неверного возлюбленного – и та очутилась на полу. Тут уж в ярость пришла Надежда. Ловко вскочив на ноги, она с размаха зале-

пила Таше звонкую пощечину. Та, естественно, не осталась в долгу и тоже отвесила Надежде увесистую оплеуху. «Ах, ты так!» – взвыла Надежда, ухватилась за Ташины жемчужные бусы и рванула их изо всех сил. Нитка, на которую были нанизаны бусины, порвалась – и они горохом посыпались на пол, подсакивая и разлетаясь по всей комнате. Наши возгласы раздались одновременно.

– Ой-ёй-ёй! – воскликнула я. – Что ты наделала... – прошептала Таша. – И как теперь это все собирать? – голос Натали.

– Да идите вы все! – крикнула Надежда. Схватила свою сумочку и выбежала из квартиры, от души хлопнув дверью.

– Может ее догнать? – неуверенно поинтересовался Юрик.

– Не надо. Эти ее «гуси-лебеди» мне уже осточертели, – сердито сказала Натали. – Как выпьет – обязательно чудить начинает, убегает, или еще что. Побегает немного, проветрится и вернется.

– А вдруг с ней что-нибудь случится? – снова спросил Юрик.

– Ничего с ней не случится, – с металлом в голосе отозвалась Натали. – Всё. Проехали. Давайте выпьем, что ли?

– Выпить точно не мешает, – поддержала я, – для успокоения нервов. – Все-таки подобные сцены очень действуют на мою нежную психику: я человек мирный.

Выпили по бокалу вина и обменялись впечатлениями, к

слову сказать, не без доли юмора. Таша довольно быстро успокоилась, только жалела свои бусы – подарок любимой тетки из Москвы. Бусы и в самом деле были безумно модными в том сезоне. Ощущая за собой некоторую, пусть и воображаемую вину, Натали клятвенно пообещала ей собрать все бусины до одной. Посидели еще немного, но разговор как-то не клеился, да и настроение было испорчено. Первой за собиралась домой Таша, что было вполне объяснимо, она не сомневалась, что Сержик ее проводит. А как иначе? На дворе практически ночь, совершенно стемнело, она вся на нервах – мало ли что может случиться? Сержик не слишком сопротивлялся и, как выяснилось на следующий день, остался у нее ночевать. Юрик тоже скоро попрощался – спешил на последний автобус. Ну а нам с Натали досталась неблагоприятная участь ползать на четвереньках по полу и собирать рассыпавшиеся бусы. Надежда в тот вечер так и не появилась.

То лето вспоминается мне, как апофеоз беззаботного счастья, полного любовных страстей и стремления наконец-то повстречать того единственного, с кем захочется прожить всю жизнь. Из всей нашей компании только Таша была абсолютно уверена, что уже нашла свою половинку и что это навеки. Остальные пребывали в поиске и довольствовались флиртом, влюбленностью, сексом и дружбой. Вова-пионер, институтская любовь Натали, так ей и не позвонил, что, впрочем, ее не слишком расстроило – или же она это тщательно скрывала.

В августе месяце обстоятельства сложились так, что все члены нашей «команды» оказались совершенно свободны: отпуска, каникулы... Ну и что прикажете делать в раскаленном городе в адскую жару – сидеть дома с включенным вентилятором?.. Вот мы и повадились всей компанией выезжать на природу. Есть неподалеку от города чудесное местечко под названием Заельцовский бор, вернее, было когда-то. Всего двадцать минут на автобусе от площади Калинина. Разумеется, наши поездки зависели от погоды. Прогноз метеоцентра на ту субботу обещал отсутствие дождя и прочих катаклизмов – и не подвел, день выдался на редкость ясным и теплым. Мы добирались из разных районов города, поэтому договорились встретиться на остановке «Кладбище», последней перед поворотом в сторону Заельцовского бора.

Натали зашла за мной в десять. Я подхватила пакет с продуктами: сосиски, хлеб, сыр и вода, – и мы отправились на троллейбусную остановку. На площади пересели на автобус и скоро высадились на остановке «Кладбище», где нас уже поджидали Таша и Сержик, тоже с сеткой продуктов. За алкоголь отвечал Юрик, который должен был подъехать к одиннадцати. Мы устроились на траве неподалеку от остановки и стали ждать. Курили, болтали, шутили и смеялись, представляя в лицах прибытие Юрика с полной сумкой бутылок. Настроение у всех было отменное. Время подходило к одиннадцати, и мы с нетерпением встречали каж-

дый подходивший автобус – вот сейчас двери распахнутся, и наш Юрик, наконец, появится. Но время шло: одиннадцатый, одиннадцатый пятнадцатый, половина двенадцатого... Юрик все не появлялся. Черт бы его подрал – ну, куда он мог провалиться?! Ведь клялся и божился, что не проспит и вовремя будет на месте.

Без четверти двенадцать все окончательно приуныли. Стало совершенно очевидно, что Юрик не появится. Настроение стремительно приближалось к нулю, ворчали друг на друга и уже подумывали, не вернуться ли обратно.

– Интересно, кому в голову пришла счастливая идея поручить бутылки Юрику? – спросил Сержик тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

Мы молча переглядывались: действительно – кому?

– Да он сам вызвался, – сердито сказала Натали.

– Так что будем делать? – поинтересовалась Таша. – Не возвращаться же домой – такая погода.

– А без бутылок мы не обойдемся? – спросила я. – У меня, между прочим, минералка есть.

На меня посмотрели, как на имбецила, однако вслух никто не высказался.

– Да что вы, в самом деле, – разозлилась я. – На Чкаловских дачах магазинчик есть. Сходим туда и затаримся.

– А ведь верно! – воспрянула духом Натали. – Пройдем через овраг, обойдем Обкомовские дачи, потом примерно два километра по лесу – и мы на месте.

– Кстати, на Чкаловских дачах отличный песчаный пляж. Они себе песок завезли хороший. Даже дюны небольшие образовались, – поддержала я. – Отличное местечко для пикника.

– Значит, решено, – сказал Сержик, – едем. Садимся в следующий автобус. Интересно, скоро он будет?

– В субботу семнадцатый ходит каждые двадцать минут, – сообщила я.

– Вот и чудненько, – оживилась Таша. Ей было все равно, куда и когда ехать, – лишь бы вместе с Сержиком.

Мы снова устроились на траве. Подошел очередной переполненный автобус, следовавший до Мочища, двери распахнулись – и оттуда буквально вывалился Юрик.

Увидев нас, он обрадовано помахал свободной рукой, другой держал сетку с бутылками.

– Сейчас я его убую, – сказал Сержик, поднимаясь с травы.

– Не надо, – сказала Натали, – побьешь бутылки.

Ничего не подозревающий Юрик радостно устремился к нам и опустил сетку на траву – бутылки звякнули. Мы злобно уставились на него.

– Извините, опоздал, – с места в карьер начал он. – Вы не представляете, что со мной вчера произошло! Вот, – и он продемонстрировал нам свою левую скулу, которую украшал великолепный синяк. – Хорошо, что вы меня дождались. Я боялся, что уже уехали.

– Нет, мы решили тебя обождать... – зловеще произнес

Сержик.

– И что же с тобой случилось? – недобро поинтересовалась Натали.

– Вчера вечером я возвращался домой, уже стемнело. Был немного подшофе. Вдруг откуда-то из подворотни выскочили двое. Один заехал мне в лицо кулаком – видите, – он снова гордо продемонстрировал нам свой роскошный синяк, а второй сорвал мою сумку, которую я всегда ношу через плечо. Я упал и пока поднимался – они убежали. Конечно, я расстроился. Но что тут поделаешь? Выругался и пошел по направлению к дому. Вижу, идет милицейский патруль. Я к ним бросился, говорю, так и так – меня ограбили. Они стали расспрашивать: кто и как? Я рассказал. Один говорит (их двое было) – да ты сам поди сумку свою потерял. Второй говорит: точно, сам потерял – ты же пьяный! И забрали меня в отделение. Там дежурный спросил их, в чем дело. Они заявили, что я пьяный шатался по улице. И меня посадили в обезьянник. Продержали часа три. Потом поняли, что с бедного студента ничего не возьмешь – и отправили восвояси. Домой я прибрел под утро. Поставил будильник, чтобы не проспять, – но не услышал звонка. В общем, винюсь и каюсь... – и он склонил свою повинную голову.

– Бедный Юрик, – очень серьезно и сочувственно сказала Натали, хотя в глазах ее сверкали искорки смеха. – Бедный Юрик... Мало того, что его ограбили, так еще и в кутузку забрали! – тут она не выдержала и расхохоталась.

Следом засмеялись все мы – и Юрик был прощен. А тут как раз и семнадцатый к остановке подъехал.

Высадились из автобуса на конечной остановке и по тропинке сразу направились к реке. После душного и раскаленного солнцем автобусного салона насыщенный кислородом лесной воздух, казалось, можно было пить, как вкуснейшую родниковую воду. А запахи, а звуки... Разогретая солнцем сосновая хвоя, ароматы разнотравья, пение многочисленных лесных птишек – рай, настоящий рай! А впереди уже виднеется река, с прозрачной быстрой водой, в которую мечтаешь нырнуть с головой, чтобы всем телом ощутить мягкую, вкрадчивую прохладу.

Место для пикника выбрали под могучей развесистой ивой, плакучие серебристые ветви которой склонялись до самой воды. Побросали сумки на берегу, быстро разделись – и скорее в воду. Ох, какой холодной кажется обская вода после путешествия в душной консервной банке под названием «автобус» – просто ледяной! Но уже через несколько минут тело адаптируется, и приятная прохлада обнимает тебя с головы до пят, и ты плывешь, раздвигая воду руками, испытывая при этом огромное наслаждение от самого процесса плавания, от соприкосновения воды и кожи. Мягкая шелковистая водная субстанция ласкает и баюкает тебя, так что ты невольно ощущаешь себя еще не рожденным младенцем в утробе матери, и это странное чувство доставляет тебе удивительное блаженство.

Накупавшись до дрожи, вылезли из воды и растянулись на горячем песочке. Сержик, конечно, не утерпел и спустился к воде, где в сетке, прицепленной к какой-то коряге, охлаждались, наполовину погруженные в воду, бутылки вина. Достал бутылку каберне и вернулся к нам. Мы с Натали расстелили скатерть и выложили захваченные из дома припасы. Таша извлекла из своей сумки пластиковые стаканчики, быстро изобразила бутерброды с сыром, достала из банки малосольные, пахнущие укропом огурчики. На свежем воздухе все успели проголодаться и страстно желали приступить к трапезе. И тут выяснилось, что никто не захватил с собой штопор.

– «Трое в лодке, не считая, собаки», – мрачно заметила Натали.

– Но у нас ведь не консервная банка! – воскликнула Таша. – Мальчики, придумайте что-нибудь, откройте, пить хочется.

– Возьми минералку, – сказала я.

Таша бросила на меня сердитый взгляд: «Только и осталось...»

– Может, горлышко отбить? – вслух подумал Юрик.

– Не смешите меня. – Сержик серьезно взялся за дело: покрепче ухватил бутылку и пальцем протолкнул пробку вниз. – И все дела!

Таша восторженно глядела на него. Мы захлопали в ладоши. Он горделиво поклонился и взялся разливать вино.

Перекусив, опять полезли в воду. Все, кроме Натали, были хорошими пловцами. В ней же сочетались, казалось, совершенно несовместимые вещи: она страстно любила воду, но при этом очень плохо плавала. По-собачьи могла проплыть метров двадцать, но только чтобы дно было под ногами. Стоило ей ощутить отсутствие дна – и она тотчас начинала тонуть. Причем, тонуть самым натуральным, нешуточным образом. Вот и теперь, бултыхаясь возле берега по грудь в воде, Натали была абсолютно счастлива. Я уплыла подальше от берега, перевернулась на спину и отдалась на волю течения, настолько сильного и быстрого, что плыть против него было невозможно – тут же сносило обратно. Парни раздухарились и, красуясь перед девицами, уплыли далеко от берега, похоже, нацелившись на ближайший остров, но потом, очевидно, соразмерив свои силы, раздумали и повернули обратно. Скоро меня нагнала Таша, мы еще немного спустились вниз по течению, потом выбрались на берег и по влажному песку, лентой тянувшемуся вдоль самой воды, возвратились к нашему бивуаку.

Через какое-то время подтянулись парни, которых течением снесло довольно далеко от нашей стоянки. Они устроились возле скатерти-самобранки, Сержик тем же способом открыл вторую бутылку. Мне вина не хотелось, и я отправилась собирать хворост для костра. Обожаю жарить на палочках над костром сосиски – невероятная вкуснятина: обжаренная корочка, запах дыма, сочная мякоть, – только пред-

ставишь, уже слюнки текут. А сосисок я прихватила много. Скоро ко мне присоединилась Таша. Мы собирали мелкие веточки и высохшие куски коры, выброшенные речными волнами. Вернулись с полными охапками дровишек и сложили костер. Ребята и Натали, наблюдая за нами, тянули вино и развлекались, комментируя наши усилия и не испытывая ни малейшего желания помочь. Я злилась на них, однако из принципа сама хотела разжечь костер, чтобы утереть им нос. Удалось это не сразу, но когда огонь разгорелся, сосиски на палочках зашкворчали и с них полился жирок, а запах жареного на костре мяса распространился в воздухе – смешки прекратились, все резво устремились к костерку и с удовольствием держали над огнем свои палочки, с нанизанными на них сосисками.

Надкусывая горячие, сочные, таявшие во рту сосиски, сдобренные дымком костра, я невольно размышляла, почему приготовленная на костре еда всегда кажется несравненно вкуснее и притягательней домашней. Наверно здесь включаются самые древние инстинкты, ведь первобытному человеку самое большое наслаждение доставляло именно поглощение пищи: окорок дикой свиньи, зажаренный на вертеле, или подкопченный хобот мамонта. Похоже, мы не настолько далеко ушли от своих полудиких предков, как представляется нам самим. Мои умные мысли оборвались, когда, жадно проглотив оставшиеся сосиски, народ с визгом и воплями опять устремился к воде. Купаться мне пока не хотелось.

Стряхнув с полотенца песок, я села и, обхватив руками колени, уставилась на реку. Вдалеке по фарватеру величаво плыл белый круизный трехпалубный теплоход, направлявшийся к низовьям Оби, до самой Обской губы, – на редкость живописное и приятное путешествие, если бы не гнус и тучи комаров. Навстречу ему из-за острова, тяжело преодолевая течение, медленно выползала сидевшая по самую ватерлинию баржа, груженная углем. Поравнявшись, они приветствовали друг друга долгими гудками.

Взявшись за руки, Сержик и Таша с разбегу бросились в воду и поплыли рядышком, удаляясь от берега – компания им явно не требовалась. Юрик с Натали немного порезвились на мелководе, но потом ему это надоело, он поплыл на глубину, а она по-собачьи гребла в нескольких метрах от пляжа.

Река для меня – нечто живое, громадное, завораживающее. Глядя на серебрящуюся водную рябь, я невольно погружаюсь в приятный транс, мысли растворяются в безбрежности, эмоции затухают, и я окончательно впадаю в своеобразную нирвану, остаюсь один на один с вечностью, «гуляю в себе». И, конечно, ничего вокруг не замечаю. Из состояния созерцательности меня вывел какой-то непонятный шум. Я встряхнулась и огляделась. Шум – это был плеск воды. Натали отчаянно колотила руками по поверхности и звала на помощь. Причем, звала как-то странно, словно понарошку, не очень громко и спокойно: «Помогите... Тону... – снова

отчаянные шлепки руками по воде и опять, – помогите... тону...» Я вскочила на ноги и бросилась на помощь. Самым абсурдным было то, что тонула она в нескольких метрах от берега. Причем, тонула по-настоящему. Когда я, сделав пару гребков, очутилась рядом, вид у нее был донельзя перепуганный, а искаженное страхом лицо белым как мел. Увернувшись от ее попытки уцепиться за мою шею, я подплыла к ней сзади и подтолкнула к берегу, потом еще раз и еще. «Помогите, – прохрипела она снова, – тону...» «Кончай вопить! – Гаркнула я во весь голос. – Здесь уже дно есть!» Ощувив под ногами твердую почву, она тотчас умолкла, судорожно вдыхая воздух и глядя на меня расширенными от пережитого ужаса глазами.

– Ну и какого черта тебя на глубину несет? – сердито попеняла я. – Сразу начинаешь тонуть, и все равно лезешь! Сколько тебя можно спасать? Не будь меня поблизости – утопла бы.

– Я думала там неглубоко... – дрожащими синими губами произнесла она, – по грудь всего было. А потом сделала шаг – и все, дна уже нет. Я так испугалась!..

– Я, между прочим, тоже. Выходи на берег, а то физиономия как у привидения.

Мы выбрались на пляж и устроились на полотенцах. Натали помаленьку приходила в себя, и лицо ее постепенно обретало здоровый розовый оттенок. Я достала пачку сигарет, и мы с чувством закурили. Мне тоже необходимо было успо-

коиться: спасение утопающих не входит в число моих любимых занятий.

– Сама не понимаю, как так вышло, – искренне удивлялась своему опасному «приключению» Натали. – Вдруг дно под ногами исчезло, и течение потащило меня от берега – я совершенно растерялась, запаниковала. А когда поняла, что реально тону – стала звать на помощь.

– Только звала как-то странно. Мне даже показалось, что разыгрываешь. Ты ведь не кричала, как нормальный утопающий «спасите! караул!», или что-нибудь в этом роде, а просто повторяла обычным голосом: «Помогите... тону...»

– Ладно, проехали, – сказала Натали, которой уже надоело оправдываться.

Дождаться от нее благодарности за «спасение утопающих» – за гранью возможного. Раз мы друзья, значит, должны приходить на помощь в любой ситуации. И это не обсуждается. Может потому мы столько времени и дружим?

На песчаный берег из реки выбрались Таша с Сержиком, усталые и чрезвычайно довольные своим длительным заплывом. Целоваться и ласкаться в воде, если плаваешь, как рыба – в этом есть своя прелесть.

– Какие-то вы обе странные... – обзрев нас, с подозрением произнесла Таша.

– Да мы тут без вас развлекаемся помаленьку, – отозвалась я. – Натали тонет – я спасаю...

– Я слышала, как она говорила «помогите...», только ду-

мала – шутит, – слегка удивилась Таша.

– Не утонула же, – ввернул Сержик. – Значит, все в порядке. Давайте-ка, выпьем. Я немного согреюсь, а утопленница окончательно придет в себя.

– Скотина ты, Сержик! – не выдержала я. – А если бы она утонула?

– Ерунда. Я бы вытащил. – Уверенно заявил он, разливая вино. – Ну что – за спасение на водах! – И он залпом опрокинул свой стаканчик. Такое впечатление, что пил не вино, а воду.

Чтобы успокоиться (ее все еще била нервная дрожь), Натали тоже залпом выпила свой стаканчик, потом, немного отойдя в сторону, расстелила во всю длину оранжевое махровое полотенце и улеглась, подставив солнцу спину. Сержик тоже удобно устроился на горячем песке; растянувшись во весь рост и подложив под голову сумку, он явно собирался вздремнуть. Таша присела рядом с ним, о чем-то спросила – он нехотя ответил, надеясь, что его оставят в покое. Не тут-то было! Если Таша что-то вбила себе в голову – лучше сдаваться сразу. Судя по всему, на его счет у нее имелись вполне определенные намерения. Разомлевший от вина и солнца Сержик не проявлял ни малейшего желания сдвинуться с места, и Таша принялась всячески его тормозить. Щекотала травинкой ноздри, отчего он невольно чихал, впрочем, не открывая глаз. Дергала за ушко, хихикала и толкала в бок. Потом облокотилась подле него на локоть и стала что-то на-

шептать в ухо. Сержик все еще сопротивлялся, однако Таша заставила-таки его сначала сесть, а потом принялась тащить за руку, пока он не поднялся на ноги. Обнявшись, они направились вдоль берега. «Мы прогуляемся немного...» – бросила Таша через плечо, и вскоре они скрылись в зарослях тальника. Ясненько, хмыкнула я, Таша в своем репертуаре: секс на природе и роковая любовь. Но – будем снисходительны.

Юрик не обратил ни малейшего внимания на исчезновение влюбленной парочки; он бродил по мелководью и сосредоточенно пытался поймать мальков, собираясь потом зажарить их на палочке, как делал в детстве. Мальки почему-то никак не желали ловиться, так что вскоре это бесперспективное занятие ему наскучило, он подошел и устроился рядом со мной на невысоком, поросшем травой обрыве. Мы безмолвно любовались красавицей-Обью, такой мощной, широкой и вольной. На реку можно смотреть часами: перед тобой словно раскручивается бесконечная кинолента, которую демонстрирует неведомый киномеханик в огромном кинотеатре, потолком которого является небесный свод, а ширина экрана не ограничена.

– Господи, как хорошо! – невольно вырвалось у меня.

– Не то слово, – эхом отозвался Юрик. И после паузы несмело произнес: – Вы на меня наверно утром очень сердились – я так сильно опоздал.

– Сердились. А ты как думал? Даже злились. Столько про-

клятий на твою голову послали – не счесть.

– Я же не нарочно, – вздохнул он, невольно прикасаясь к великолепному синяку на скуле, который уже начинал слегка багроветь.

– Болит? – посочувствовала я.

– Жить можно. Как ты думаешь, он скоро пройдет? Мне в понедельник на работу.

– Такое-то украшение? – с усмешкой сказала у меня. Но, взглянув на его грустное лицо, решила внести дозу оптимизма и прибавила: – У меня есть отличный тональный крем, так и быть, пожертвую тебе – будешь замазывать свой синяк. Конечно, заметно будет, но более-менее приличный вид тебе обеспечен.

– Спасибо. А куда Таша с Сержиком подевались? – неожиданно спохватился он, озираясь.

– Пока ты охотился за мальками, они решили немного погулять.

– Давай и мы прогуляемся. В какую сторону они пошли?

«Интересно, он на самом деле ничего не понимает, или так шутит?» – Задалась я вопросом. Однако выражение лица Юрика однозначно говорило: нет, не шутит. Дело в том, что чуть дальше, за кустами тальника, пряталась замечательная полянка с высокой травой, со всех сторон укрытая деревьями. Не вызывало сомнений, что именно туда Таша потащила своего ветреного возлюбленного, и теперь они наверное всю занимались любовью. Несообразительность Юри-

ка извиняло лишь то, что он, в отличие от нас, приехал на это место впервые. Но уж догадаться-то можно было! Впрочем, впоследствии выяснилось, что Юрик и в самом деле не слишком догадлив.

– Пойдем-ка, лучше окунемся, – предложила я, – а то сильно припекает.

– Давай, Натали возьмем! Она на солнце лежит – обгорит.

Склонившись к Натали, я принялась ее тормошить, приглашая вместе с нами охладиться – в ответ она сердито отмахивалась и ворчала, чтобы мы отстали. Мы и отстали. Я набросила на ее покрасневшую спину свое полотенце, и мы побежали к реке. С разбегу бросились в воду – ух! холодина! Перегрелись. Поплыли наперегонки, чтобы согреться, потом вернулись на мелководье и долго бесились, брызгали друг на друга водой, хохотали, прыгали, держась за руки, и во все горло орали детскую присказку «баба сеяла горох, прыг-скок, прыг-скок...» Накупавшись до дрожи, растянулись на горячем песке. Я задремала, казалось, ненадолго, а когда проснулась, увидела, что Юрик колдует над костром, жаривая мальков на палочках.

– Все-таки наловил, – рассмеялась я.

– А как же, – горделиво отозвался он, – жаль только соль куда-то подевалась. Будешь? – протянул мне палочку с крошечным обугленным мальком.

– Нет уж, спасибо за угощение...

– Зря. Очень вкусно. – Он с удовольствием снял с палочки

малька и положил в рот. Прожевал тщательно и проглотил. – На, попробуй...

– Юрик, я вполне сыта, – сердито сказала я, едва удерживаясь от смеха: только жареных мальков мне не хватало!

Зашелестели кусты, на пляж вышли Таша и Сержик. Вид у обоих был расслабленный и слегка отсутствующий. На Ташин купальник налипли упавшие листья и травинки. С юмором оглядев их с головы до ног, от комментариев я все же воздержалась. Зато Юрик обрадовано устремился навстречу: «Куда вы подевались? Я уж думал – заблудились, собрался на поиски».

Таша пристально уставилась на него: действительно не врубается, почему они задержались – или придуривается? Уверившись, что спрашивает из лучших побуждений и безо всякой скрытой насмешки, спокойно пояснила:

– Да как-то так получилось... Шли, шли... и время незаметно пробежало.

– А я тут мальков пожарил. Хочешь? – от чистого сердца предложил Юрик, протягивая ей палочку с подкопченной над костром речной мелочью. Ее аж передернуло, и она торопливо отказалась. – А ты? – обратился он к Сержику.

– Нет уж, я лучше выпью – пить хочется, – сказал Сержик, берясь за бутылку. – Есть еще желающие?

Желающими оказались все. Тут же весело доели оставшиеся бутерброды и жареные сосиски, закусили малосольными огурчиками. После еды всех потянуло вздремнуть, и ско-

ро наши слегка подвяленные солнцем тушки вольготно распластались на полотенцах и покрывале, выполнявшем роль скатерти-самобранки. До чего же хорошо и покойно!.. Вода у берега плещет, легкий ветерок дует. Лежи себе смиренно, смотри в синее до черноты безоблачное небо, и – никаких тебе мыслей и треволнений... Сиеста, одним словом. Только вот Таша никак не успокоится: нейметса ей, опять дёргает Сержика. Потом угомонилаcь и она, устроилась рядом с ним, уютно положила голову во впадинку у его плеча, а он уже и похрапывает.

Первой проснулась Таша, впрочем, может она и вовсе не спала – и тотчас принялась будить Сержика и тащить его в воду. Ташина возня вывела меня из приятного дремотного состояния. Вечерело, пока до да сё – домой попадем часов в десять. Купаться меня больше не тянуло. Я собрала оставшийся мусор и сложила в догорающий костер, опустевшие бутылки убрала в сумку – избавимся по дороге.

– Кажется, пора будить подругу, – сказала я. – Пусть окунется в реке – легче в автобусе ехать.

– Натали, а Натали, – коснулся ее плеча Юрик. – Просыпайся, пора домой!

Она в ответ что-то пробормотала, однако не проснулась. Тогда он встряхнул ее сильнее. Это подействовало. Натали, наконец, открыла глаза, села и спросила почему-то по-французски: «Кес кё се? (Что случилось?)»

– Ничего особенного, – засмеялась я, скоро домой по-

едем. – Купаться еще будешь?

– Ви – да, – снова по-французски ответила она, вскочила на ноги и побежала к воде.

– По-моему она перегрелась на солнце, – сказала я. – Ты, Юрик, иди с ней, не дай бог утонет!

Несмотря на холодную обскую воду, Натали все еще пребывала в какой-то иной реальности. И ладно бы находилась сильно подшофе, так ведь нет, вероятно, сказался доселе нам неизвестный «солнечный эффект» на фоне перегрева. Заговорив по-французски, она нисколько не шутила, как я сначала подумала, но окончательно и бесповоротно перешла на чужой язык. Хорошо хоть я ее понимала – тоже немного учила французский.

Когда из длительного заплыва вернулись Таша с Сержи-ком, я тут же посвятила их в странную аномалию. Разумеется, они не поверили и принялись язвить на мой счет: вечно ты что-нибудь придумашь! Продолжая насмехаться надо мной, попытались говорить с Натали по-русски – и потерпели неудачу. Теперь уже пришла моя очередь от души поиздеваться над ними. Смех смехом, но пора было ехать домой. И тут выяснилось, что Натали сильно «штормит» и сама она идти не может. Как верные подруги, мы помогли ей одеться, парни подхватили ее под руки, и процессия двинулась к автобусной остановке. По дороге хохотали, как ненормальные, потому что на любой вопрос Натали с серьезным видом отвечала только по-французски. Народу на остановке

было немного, обычно все уезжают с дач в воскресенье. Натали все еще пребывала в своеобразной отключке, и мы бессовестно потешались над ней. Впрочем, не зло. Однако это вогнало ее в большую печаль. Она уселась посреди дороги прямо на асфальт, и когда мы подошли, чтобы поднять ее и увести с проезжей части, перешла, наконец, с французского на русский, причем, повторяла одну фразу: «Мне так грустно... Как же мне грустно...» – и тяжело вздыхала. А в автобусе опять перешла на французский, чем веселила нас всю дорогу.

Высадившись на площади Калинина, куда нас доставил родной 17-ый автобус, мы расстались. Таша вцепилась в своего мужчину и потащила его к себе, под титлом, что нетрезвую женщину необходимо проводить. Сержик без возражений последовал за ней, хотя именно он, на мой взгляд, был уже «хорош». Суббота для Таши – день священный; родители на выходные, как правило, отбывают за город доставлять дачу, так что вся квартира переходит в ее распоряжение, а это означает полную свободу и бурную личную жизнь. Нам же с Юриком выпала сомнительная честь доставить домой еще окончательно не пришедшую в себя «француженку». Радовало, что к этому времени она уже почти пришла в себя и вполне сносно заговорила по-русски.

Посидев немного у Натали, убедились, что с ней все в порядке: она собиралась ложиться спать, – и распрощались. Прогулочным шагом дошли до моего дома, постояли немно-

го у подъезда, и я пригласила Юрика выпить кофе. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить маму, отперла входную дверь, и мы тихонько проскользнули в мою комнату. Денек выдался еще тот, я очень устала, хотелось немного взбодриться. Юрик был не против ночного кофепития, ведь ему еще предстояло добираться из нашего Правобережья в Левобережье на двух автобусах, которые поздним вечером ходят, как им вздумается. Денег на такси у него не было, а метро только начинало строиться.

Расположившись у журнального столика, мы неспешно тянули крепкий кофе и негромко, почти шепотом, беседовали. Не удержались и немного посмеялись над странной метаморфозой, случившейся с Натали. Хотя, возможно, это было не так уж и удивительно, учитывая, что с молодых ногтей она буквально помешана на Франции. Кинофильмы, известные актеры, история и литература, – ее конек, где она как рыба в воде. И уже года два или три самостоятельно, по пластинкам, учит французский язык. Ее страсть ко всему галльскому была настолько заразительна, что я тоже увлеклась французским и купила себе самоучитель с пластинками. Занималась и даже дошла до чтения детективов, конечно, со словарем; по воскресеньям, гуляя в центре, покупала в газетном киоске, что стоял напротив хлебного магазина с говорящим названием «Урожай», воскресный выпуск «Юманите диманш». Кроме политики и культуры «Юманите» печатала забавные комиксы про Пифа и Эркуюля, которые тогда меня

очень забавляли.

Магазин был просторный и считался престижным. Кроме различных сортов свежего хлеба там имелся большой выбор разнообразных булочек (их пекли в подвале под магазином) и пирожных. Аромат свежее испеченного хлеба поднимался снизу и наполнял зал, заставляя течь слюнки; конечно, я не выдерживала, покупала несколько вкуснейших, с пылу с жару булочек и, стоя у высокого столика, съедала одну под чашечку черного кофе без сахара.

Юрика я знала не слишком близко. Он считался ухажером Натали, явно ей импонировал, и потому знакомство наше ограничивалось встречами в общей компании. Однако тем вечером, оказавшись наедине, мы разговорились. Причем, говорил, в основном, он, а я с интересом слушала. Есть у меня такая особенность – вызывать людей на откровенность. Хотя, возможно, все проще: я умею их слушать.

Выяснилось, что в этом году Юрик перешел на последний курс оптико-механического факультета НИИГАиКа (Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии) и весной ему предстояло защищать диплом. Учился он на вечернем и подрабатывал лаборантом в этом же институте.

– А почему на вечернем? – спросила я.

– Так получилось. У нас большая семья – пятеро детей. Родителям трудно было всех содержать. Мама не работала, вернее, воспитывала пятерых, что – сама понимаешь – та

еще работенка. Ну, две сестры еще ладно, но трое братьев... Мальчишки есть мальчишки. Так что все лет с пятнадцати старались подрабатывать. Зато трое старших уже получили высшее образование, а я и младший Яков еще учимся.

– Какие молодцы твои родители! Всем дать высшее образование...

– Ты даже не представляешь, насколько молодцы! У них ведь были немалые сложности с национальностью.

– В каком смысле? – искренне удивилась я.

– Да мы же немцы!

– Ну и что?

– Ты не представляешь, как меня в детстве доставали ребята из нашего двора, потом в школе. Обзывали фашистом, Фрицем. Знаешь, как это действует на детскую психику? Мне ведь хотелось быть как все.

– Это все последствия войны. Прошло не так уж много времени. У многих отцы погибли, еще всё было живо.

– Да я понимаю. Но ведь не только обзывали, а еще и часто били. Хорошо, старший брат заступался. Он у нас военный.

– А где ты родился?

– Здесь, в Новосибирске. У нашей семьи вообще интересная история. Родители встретились здесь, в Сибири. Семью мамы в начале войны сослали сюда из Поволжья, а семью отца – из Прибалтики. Тут они встретились и поженились. Машины предки переехали в Россию еще при Екатерине Великой. Крестьянствовали, потом их загнали в колхоз. Но кол-

хоз был немецкий, аккуратный и зажиточный. Когда объявили нападение Германии на Советский Союз, всех немцев за два дня вывезли в Сибирь и в Казахстан – боялись предательства. Не знаю, может, это отчасти было оправдано. Ну а отца с их семьей выслали из Латвии, тоже в течение двух суток. Отец родился в уважаемой семье барона фон Берг. Уважаемой, но к тому времени совершенно разорившейся. Мой дед служил инженером на железной дороге.

– А потом? По прибытии в Сибирь всех в лагерь посадили?

– Нет. Они были сосланными. Худо-бедно обустроились кто где, угол снимали, на работу устроились. Мама с отцом встретились случайно на церковной службе. Вообще-то службы запрещены были. Однако люди собирались у кого-нибудь в доме, приходил пастор, тоже из сосланных – и молились. Мама после службы пошла домой, а отец выходил от соседей и столкнулся с ней буквально нос к носу. Не знаю, как они поженились – у них были разные церковные конфессии. Мама принадлежала к минонитам, а отец был католиком. Но как-то сошлись и до сих пор живут вполне счастливо.

– Может, тогда вероисповедание не имело особого значения? Главное – любовь? И то, что оба были немцы из сосланных.

– Наверно. Позднее они переехали из районного городка в Новосибирск, уже после войны. Ну и я родился уже здесь.

– А семья у вас дружная? Все-таки родители и пятеро детей.

– По-разному бывает. Старший брат и две сестры уже живут отдельно, у них свои семьи, дети. И знаешь что забавно? Родители, когда не хотят, чтобы мы их понимали, переходят на немецкий. Я немного понимаю, конечно, но читать и писать не умею. Родители почему-то с нами всегда только по-русски говорили.

Повисло недолгое молчание. Я задумалась над перипетиями судеб предков Юрика. Тут он взглянул на свои наручные часы и воскликнул: «Вуаля! Уже двенадцатый час. Мне пора. Успею еще на автобус». Я проводила его до входной двери, протянула на прощание руку, которую он галантно поцеловал, и вернулась к себе в комнату. Приятный парень, ду-малось мне, неглупый и тонко чувствующий, а с этим у многих молодых людей нынче большие проблемы. К тому же, воспитанный, что немаловажно. Я зевнула во весь рот и с удовольствием потянулась. Однако пора баиньки! Расстелив на диване постель, сбегала в душ и с наслаждением скользнула под свежую простыню. Уснула не сразу. День выдался на редкость суматошным и разнообразным, и теперь перевозбужденный мозг никак не хотел успокаиваться. Интересно, как там Таша? Завтра непременно позвонит и в деталях перескажет что было, что есть и что, возможно, еще только будет... Перед закрытыми глазами внезапно возникла Натали, которая сидела на асфальте посреди дороги и повторя-

ла «как же мне грустно»... Я невольно усмехнулась и тут же перенеслась на берег реки; мимо, сияя огнями, проплывал трехпалубный красавец-теплоход, на открытой верхней палубе играла музыка и вальсировали пары. Впрочем, это был уже сон, самый первый.

Наступившая осень выдалась на редкость сухой, теплой и ласковой. Прогулки в гордом одиночестве по осеннему городу всегда доставляли мне необычайное удовольствие; я любовалась ярко-красной листвой кленов, золотыми березками, вечнозелеными елями и соснами в парках и на бульварах. В воздухе стоял неповторимый запах прелых листьев. Листья шуршали под ногами, устилали тротуары сплошным разноцветным ковром; порой какой-нибудь одинокий листок отрывался от оголенной ветки и медленно планировал вниз, создавая особое настроение, нет, не печали, но легкой отстраненности от рутины жизни, привнося в мое существование легкий налет экзистенциальности.

Чего только не приходит в голову во время таких прогулок! Невольно и о смысле жизни задумаешься. В отличие от моих друзей, я никак не могла определиться с выбором профессии. Училась уже в третьем по счету институте, однако полной уверенности в правильности избранного пути не было до сих пор. Причем, если два предыдущих вуза были сугубо техническими, то третий – чисто гуманитарным. Ладно бы я не успевала, и меня отчисляли за неуспеваемость,

так ведь ничего подобного. Везде поступала сама, сдавала экзамены на общих основаниях, без репетиторов и родительских связей. Училась на хорошо и отлично, разве что изредка хватала «удочки», да и то исключительно из лени. Однако, проучившись один или два курса, понимала, что совершила роковую ошибку, потому что избранная специальность совершенно меня не интересует, после чего подавала заявление на отчисление. В деканате меня всегда пытались отговорить от столь решительного шага – я была на хорошем счету, – но только тратили время впустую, переубедить меня было невозможно. Сбросив очередные институтские пути, я на какое-то время «подвисала в воздухе», не представляя, чем буду заниматься в дальнейшем, и главное – чего же, собственно, хочу?

Моей альма матер на настоящий момент являлся престижный гуманитарный университет, куда я поступила на факультет журналистики. Учебный процесс не слишком меня угнетал – все-таки уже третий курс! – и я подрабатывала в популярной молодежной газете: писала обзорные статьи по литературе и искусству. В тот день редактор «молодежки» дал мне задание осветить масштабную выставку местных живописцев и ваятелей. Отправилась я туда без особого энтузиазма, однако с нескрываемым интересом: все же любопытно, какие замечательные события происходят в нашем городе на ниве художественного творчества. И вообще, происходят ли?

Там мы и познакомились. Совершенно случайно. Когда я соляным столбом застыла возле полотна местного мэтра, мысленно прикидывая, что же можно сочинить про хаотическое нагромождение ярких пятен и переплетенных линий под названием «Восторг художника от созерцания небесных огней». Разрази меня гром, если я вижу эти самые «небесные огни»!

Он подошел незаметно, почти подкрался, постоял возле меня и, по-видимому, прочитав, отражавшиеся на моем лице впечатления от данного живописного шедевра, непринужденно спросил:

– Что, не нравится?

– Как вам сказать... – мрачно отозвалась я, – что-то в этом есть, но наверно я не доросла до подобных высот изобразительного искусства, – и только тогда взглянула на собеседника. А он – ничего, симпатичный.

Мы разговорилась. Немного прошлись по залам, обмениваясь впечатлениями, потом он попросил мой телефон. На том и расстались. Звали его Гена. Он сказал, что окончил Академию художеств в Ленинграде и является дипломированным искусствоведом, чем, естественно, меня заинтриговал. А если еще прибавить, что передо мной явился высокий, стройный, голубоглазый и слегка лысеющий джентльмен, который со знанием дела рассуждал о представленных на выставку картинах и их создателях, со многими из которых был знаком лично, – мой интерес к нему значительно

возрос.

Сам того не подозревая, своими комментариями относительно выставленных произведений Гена здорово помог мне со статьей, так что редактор даже похвалил меня за глубокое знание материала. Он позвонил через три дня, поздно вечером. Мы проговорили больше часа, и я лишний раз убедилась, насколько он интересный и продвинутый в области изобразительного искусства собеседник. Наше знакомство удачно совпало с моим новым увлечением живописью. С головой погрузившись в изучение истории искусств, я последовательно открывала для себя классицизм, романтизм, импрессионизм, постимпрессионизм, экспрессионизм и пр., и пр. Замкнутый сам на себя живописный мир приоткрывался мне постепенно, существуя совершенно обособленно и параллельно окружавшему нас вещному миру.

В детстве и юности мне нравились работы Брюлова, Шишкина, Репина, напоминавшие фотографические карточки, позднее совершенно покорила Боттичелли с его прекрасными античными богинями, потом неожиданно очаровали сумеречные и демонические персонажи Врубеля. Чем глубже погружалась я в изучение изобразительного искусства, тем острее и напряженнее становилось мое эмоциональное восприятие живописи. Теперь я не просто рассматривала полотна, но входила в общение с ними, видела мир глазами художника, чувствовала его чувствами. У Гены имелись превосходные альбомы по искусству – целая коллекция, – и он со

страстью рассказывал мне о художниках, сопровождая свои лекции наглядной демонстрацией репродукций их произведений. Каспар Давид Фридрих, с пронизывающим все его работы ощущением космизма... Уильям Блейк, для которого Смерть и Апокалипсис являлись одной из составляющих бытия... Золотая «Юдифь» Климта... Знакомство с Геной открыло мне совершенно незнакомую прежде ветвь живописного искусства. Какое-то время мы присматривались друг к другу на расстоянии вытянутой руки, но затем я не устояла, и мое увлечение живописью плавно переросло в увлечение самим Геной. Мы сделались любовниками.

Любовник он был потрясающий – один на миллион. Все сложилось бы идеально, не будь он женат, что, впрочем, действовало на нервы только мне, нисколько его не смущая. Однако жена его была беременна и, в силу подсознательной женской солидарности, «свободное» поведение Гены меня раздражало. Конечно, я знала, что многие мужья частенько ходят налево во время беременности супруги. Это не слишком морально, но вполне жизненно. Поэтому оправдывала себя тем, что его жена ни о чем не догадывается, следовательно, вреда я ей не наношу, потому что длительных отношений с Геной не планирую: ну, переспали и разбежались. Однако он был настолько хорош в постели, что расставаться с ним пока не хотелось. Тем более, его жена на время поздней беременности и родов уехала в другой город к родителям, и нам ничто не мешало встречаться. И все же, не будь

он настолько эрудирован и привлекателен интеллектуально, не увлекайся настоящей поэзией: часто, лежа рядом со мной в постели, читал наизусть прекрасные стихи, – вряд ли мы встречались бы долго. Женатые парни не для меня. Хотя... в чем-то это удобно: не пристают с женьбой, блюдут гигиену, опасаясь подхватить половую инфекцию, а значит, и тебя не наградят какой-нибудь заразой.

Общаясь с Ташей, мы теперь обсуждали не только ее отношения с Сержиком, но и мою связь с продвинутым искусствоведам. Любой женщине совершенно необходимо делиться с подругой своими эмоциями, анализировать собственные чувства и обсуждать мужские достоинства сексуального партнера. А достоинства у Гены были бесспорные, включая эротические игры высшего класса (заветная мечта каждой современной женщины). В противоположность моим, внезапно вспыхнувшим «сумасшедшим страстям», роман Таши с Сержиком как-то забуксовал, вернее, двигался ни шатко, ни валко по какой-то одному ему известной замкнутой кривой. Без сомнения, он питал к ней чувства и ценил как любовницу, однако не настолько, чтобы перейти Рубикон и, наконец, сделать предложение. Таша мучилась и переживала, дожидаясь от любимого мужчины решительного шага, вот только Сержик никуда не спешил, его и так все устраивало. На мой взгляд (о чем я даже заикнуться боялась, чтобы не сделаться на веки вечные ее врагом), Сержик воплощал собой законченный тип полудикого кота, который

гуляет сам по себе, не обращая внимания на окружающих. И чтобы захомутать такого гулену, требовались не только и не столько любовь и верность, сколько чисто женское коварство, хитрость и порядочная стервозность, коими влюбленная Таша не обладала.

Натали с Юриком тоже неоднократно становились предметом нашего разговора. Как же иначе – друзья. Мы обе сходились на том, что Юрий не просто увлечен ею, но возможно серьезно влюблен. Возникал закономерный вопрос: как относится к нему Натали?.. С одной стороны, она всегда соблюдала дистанцию и демонстрировала некоторую прохладность, что не мешало ей беззастенчиво с ним флиртовать, подавая надежду на будущее. Влюбленные женщины так не поступают. Хотя вполне очевидно, что Юрий ей импонирует, раз она удерживает его при себе. Но такова Натали: умная, скрытная, очаровательная и безумно притягательная для мужского пола: типичная роковая женщина. Глядя на нее, я прекрасно понимала влюбленных в нее мужчин. Точеная фигура богини – типа «песочные часы», большие зеленоватые глаза и светло-русые, от природы выющиеся волосы. Если уж не мадмуазель совершенство, то близко к этому. Почему-то с детства я завидовала ее светлым волосам, у меня-то темные, с каштановым отливом и очень густые. Впрочем, серо-зеленые глаза, черные брови вразлет, чуть вздернутый носик и фигура выше всяческих похвал (по мнению мужского пола) вполне примирили меня с темным цветом

волос, да и с собственной внешностью тоже.

Свидания с Геной у него на квартире напоминали шпионский роман, в чем отчасти и заключалась его несомненная прелесть. Стараясь избежать излишнего любопытства соседей, мы шифровались, как могли. Он опасался, что супруге донесут об его не слишком праведном поведении, а в этом ни он, ни я заинтересованы не были. Возможно, мы проявляли излишнюю осторожность, однако нам это нисколько не мешало, скорее, наоборот будоражило нервы, превращая каждое свидание в опасное приключение.

В нашей привычной компании, собиравшейся у Натали по пятницам, Гена принципиально не появлялся, не желал излишне светиться. Подобное положение вещей меня вполне устраивало, ненавижу выставлять напоказ свою личную жизнь. У моего бесподобного любовника было множество плюсов и всего один-единственный, но чрезвычайно весомый минус: законная жена. Не буду лукавить, это «маленькое препятствие» не то чтобы отравляло мне жизнь, но в мозжечке сидело постоянно, несмотря на то, что я не собиралась претендовать на этого мужчину в плане матримониальном.

Талантлив он был не только в постели. В нем жил прекрасный фотограф, тонко чувствующий свет и композицию. С неподдельным интересом я разглядывала высокохудожественные снимки, сделанные им в разное время года и при разном освещении – за них он даже получал какие-то про-

фессиональные премии. Несколько фотографий, которые он сделал с меня в период нашей взаимной увлеченности, хранятся у меня до сих пор. Лето, парк, роскошь цветущих яблонь. Я сижу в траве, на мне – цветастый широкий сарафан. Свет мягко падает сквозь ветви деревьев. Я подняла голову, и световые блики мягко скользят по моему лицу и плечам, переплетаясь с тенью и создавая роскошную световую симфонию.

Компонент высокой духовности был немаловажной составляющей моего увлечения Геной. Секс сексом, но без интеллекта скучновато. Насладившись друг другом в постели, мы пили кофе, порой рассматривали дорогие живописные альбомы из его коллекции. Прекрасные репродукции, которыми особенно отличались немецкие издания, можно было разглядывать часами, обсуждая работы выдающихся мастеров. Иногда мой обнаженный герой, восстав из постели, где мы перед этим провели пару-тройку часов, прямоком направлялся к книжным полкам, извлекал стихотворный сборник и, возвратившись в постель, с выражением читал мне прекрасные стихи. Это было мило, трогательно и, учитывая сопутствующие обстоятельства, немного забавно. Собранная им библиотека поэзии будила в моей душе тихую зависть. Заболоцкий, Ахматова, Цветаева, Мандельштам... Книжки, о которых можно было только мечтать, ибо доставали их тогда по великому благу.

Будучи дипломированным искусствоведом, Гена занимал

видное положение в городской художественной иерархии и по роду своей деятельности был лично знаком со многими известными мастерами кисти. Когда однажды я выразила робкое желание больше узнать о творческой кухне местных репиных и серовых, увидеть ее, так сказать, с изнанки, он пообещал показать мне мастерскую своего приятеля. И уже через несколько дней напросился в гости к Колесову – «прекрасному графику и живописцу» – как несколько пафосно отрекомендовал его мой Вергилий. Мы встретились возле Дома офицеров на Красном проспекте. Сели в троллейбус и доехали до площади Калинина, а потом минут пятнадцать шли вдоль Сухого лога, пока не подошли к обычной на вид кирпичной пятиэтажке, цокольный этаж который имел непривычно большие окна. Прежде я даже не подозревала, что здесь расположились художественные мастерские.

Для удачного начала знакомства Гена прихватил пару бутылок портвейна (тогда это был еще вполне приличный напиток). Усталый хозяин встретил нас достаточно радушно. Пожал Гене руку и через небольшую кухоньку, в которую он переоборудовал прихожую, где на застеленном клеенкой столике помещались электрическая плитка с алюминиевой кастрюлей, а рядом чайник и кофеварка, он провел нас в мастерскую – большую комнату примерно в тридцать квадратов. Из мебели в глаза бросался огромный, замученный жизнью диван, рядом с ним стоял круглый обеденный стол, еще столик поменьше, на котором теснились кружки и банки с

разнообразными кистями и в ужасном беспорядке валялись тюбики с красками, целые, наполовину выдавленные и совершенно пустые, пара кресел и несколько стульев дополняли интерьер; в сущности, здесь имелось все, что требуется истинному творцу для создания своих нетленных шедевров. На большом мольберте стояла незаконченная картина, прикрытая от посторонних глаз покрывалом. «Прекрасный график и живописец» оказался коренастым мужчиной лет со-рока трех, среднего роста, взъерошенный и с какой-то дичинкой во взгляде горящих черных глаз. Он провел нас по мастерской, доставая со стеллажей то одну, то другую свою работу и с удовольствием нам демонстрируя.

– Хорошо, что зашли, – гудел он при этом низким голо-сом, – а то я совсем зарাপортовался. Ни дня, ни ночи не ви-жу. Надобно оформить книгу в срок – иллюстрации к рус-ским былинам.

– Вот я и решил забежать – давно не виделась, – сказал Гена. – А у тебя, смотрю, много новых работ появилось.

– Так тружусь, не покладая рук, – пожал плечами Коле-сов. – Ты же на моей выставке в прошлом сентябре был – помнишь, когда Семёнов напился и выступать стал?

– Ну, ты его быстро на место поставил, – двусмысленно улыбнулся Гена.

– И правильно, что врезал! Нечего мою персоналку пор-тить!

– После официального открытия выставки, если не оши-

баюсь, продолжение было весьма бурным.

– Эх, хорошо погуляли, – вздохнул Колесов. – Я уже только в обезьяннике в себя пришел. Убей, не помню, что до этого было. Милиционеры сказали, будто витрину разбил и подрался с кем-то.

– Я раньше ушел, так что не застал этих замечательных событий.

– Вот-вот, слинял и меня бросил, злодей.

– С тобой еще толпа народу была, когда я уходил. Извини, пришлось – жена позвонила.

– Ну, если жена... Ладно, было и быльем поросло. Ты бы представил, наконец, свою даму...

Гена церемонно отрекомендовал нас друг другу, и Колесов галантно поцеловал мою руку.

– До чего приятно прикоснуться к нежной женской коже, – он даже зажмурился от удовольствия. – Спутница твоя очаровательна, это я тебе как художник говорю. Молодцы, что навестили. А то сижу тут один, как филин, одичал совсем. Дома вообще не появляюсь, жена обед сюда приносит. Весь в работе, тороплюсь с книгой поскорей расправиться. Ох, устал я, братцы... Сейчас стаканы и штопор принесу.

Устроились возле круглого стола, с которого хозяин заботливо убрал стопку листов с карандашными набросками. Гена открыл портвейн и ловко разлил по имевшимся емкостям, быстро нарезал хлеб, сыр и колбасу, купленные на закуску; наконец встал со стула и, подняв стакан вина, торже-

ственно произнес:

– Дамы и господа, позвольте провозгласить тост «за знакомство». Надеюсь, приятное! – И залпом осушил свой стакан.

Колесов последовал его примеру, крикнул от удовольствия, закусил ржаным хлебом с колбаской. Я тоже отпила пару глотков. Мужчины тут же оживленно принялись обсуждать хитроумную интригу, которую некий Прохоров затеял против председателя союза художников. Я поднялась из-за стола и принялась изучать развешенные по стенам картины. Работы были стоящие. Дикая степь, волнуется ковыль, несутся две лошади. Лошади написаны чрезвычайно экспрессивно. А вот одинокий хуторок в степи, вечер, в окне горит свеча. При взгляде на нее в душе рождается какое-то ностальгическое чувство. На многих живописных полотнах изображалась величаво текущая река, в разное время года и в разное время суток. Заметив, как внимательно я рассматриваю его работы, Колесов спросил:

– Нравится?

– Очень, – искренне ответила я. – А что это за река? На нашу Обь не похоже.

– Это Дон, – пояснил он. – Тот самый Тихий Дон из романа Шолохова. Мои предки оттуда родом. Так что я из донских казаков. У меня и форма дончаков есть, и шашка.

– А можно ваши книжные иллюстрации посмотреть? – спросила я.

– Конечно. – Колесов отошел за ширму и вернулся со стопкой рисунков, разложил на столе. Иллюстрации были превосходные. Гена абсолютно прав: Колесов отменный график.

Выпили еще, заговорили о современной живописи, о местных делах, о каком-то Самойлове, который недавно покончил с собой: прыгнул в пролет лестницы – и насмерть. А с чего бы? Ну, притесняли его как абстракциониста во время оно, так это давно было. Теперь у него карьера в рост пошла, выставка персональная состоялась, имя зазвучало. И вдруг ни с того ни с сего совершил суицид. Непонятно. Хотя, поговаривали, будто весь последний год депрессия у него была страшная.

За разговорами время летело незаметно. Говорили, в основном, мужчины, я только слушала и мотала на ус. Когда еще услышишь подобные откровения о подковерной жизни союза художников, если не за бутылкой вина? «Что у трезвого на уме, у пьяного на языке».

Портвейн между тем закончился, и Колесов настойчиво подвигал Гену сбегать в ближайший гастроном за добавкой, однако тот артачился: на завтра у него намечалось важное совещание. Наконец Гена поднялся и отправился в прихожую по надобности. Недолго думая, с тем же интенсивным напором Колесов тотчас переключился на меня: и понравилась-то я ему, и портрет он мой напишет, а еще лучше – обнаженную Венеру. Напор у него был поистине дикарский,

и я сначала вежливо, а потом и не очень, уворачивалась от его ухаживаний в прямом и переносном смысле. Как только Гена вернулся, я заявила, что жутко спешу, ухватила его за рукав и потащила вон, на ходу прощаясь с Колесовым. Тот вцепился в меня, как клещ, не желал выпускать желанную добычу из своих лап, и убеждал Гену оставить меня у него – словно я была не живой человек, а неодушевленная кукла. Ух, и разозлилась я тогда!.. Уже на улице, будучи на взводе, попеняла Гене, что оставил меня наедине с Колесовым, который нагло ко мне приставал. На что мой приятель едва ли не с гордостью заявил: ну такой уж у него темперамент, настоящий мужик. Видно ты ему сильно понравилась, а ухаживать он не умеет.

Моему возмущению подобным проявлением мужской солидарности не было предела. Тогда Гена миролюбиво пояснил, что он всегда такой заводной – и без тормозов. А в качестве иллюстрации поведал следующую историю. Ранней весной этого года – снег тогда еще не сошел – Колесов вот так же с кем-то выпивал, причем, не один день. В это время он находился в крайних контрах с одним известным художником, черт его знает по какому поводу. Хотя, надо отметить, Колесову присуще находиться с кем-нибудь в контрах и безо всякого повода. В тот день, будучи в основательном подпитии, он вдруг припомнил все, причиненные ему этим человеком, обиды и отправился «бить Ваську». И если бы он просто пошел в мастерскую к Василию Знаменскому, которая

находится на той же улице через три дома, это еще ничего, как-нибудь разобрались между собой. Но вся соль именно в том, что отправился он совершенно голый и босой, по хорошему морозцу. Из всей одежды на нем красовалась только казацкая фуражка, а в поднятой руке он гордо нес шашку наголо. С ходу, без объявления «войны», набросился на дверь, ведущую в мастерскую своего врага, и с яростными воплями принялся рубить ее шашкой. Закончилось это вполне предсказуемым образом: Колесова увезли в психушку. Впрочем, через неделю отпустили.

Некоторое время я переваривала услышанное, потом сказала: «Да. Впечатляет».

– Такая вот замечательная история.

– И что, он прямо так и маршировал по улице с шашкой наголо и без ничего?

– Прямо так и маршировал.

Я живо представила себе эту невообразимую картину и не удержалась от смеха. Гена рассмеялся следом. А я уже хохотала во весь голос и никак не могла остановиться. Перед глазами, словно вживе, маячил голый Колесов, размахивающий шашкой. Прохожие с любопытством оглядывались на меня. Я честно старалась сдержаться, но хохотала только сильнее, до слез, до икоты, пока не обессилела окончательно и буквально не повисла на плече у своего мужчины. Совершенно голый и с шашкой наголо...

Октябрьская погода к прогулкам на свежем воздухе не

располагала: то дождь, то снег, то ледяной ветер, то все эти прелести вместе. Даже не верилось, что порой до самого ноября у нас может длиться настоящая золотая осень. Мы шли к остановке троллейбуса, а под ногами смачно чавкало снежное месиво с водой пополам. Ботинки мои быстро промокли, и когда Гена предложил поехать к нему – я без раздумий согласилась. Из будки телефона-автомата позвонила маме, предупредила, что переночую у подруги. Не знаю, насколько она верила моим рассказам, но допросов с пристрастием пока не устраивала.

Переступив порог его квартиры, я сбросила насквозь промокшие ботинки и, боясь подхватить простуду, в ультимативной форме потребовала горячего чаю с медом. После чего на десерт мы занялись любовью, и длилось это часа четыре, пока оба совершенно не выдохлись. Мой страстный партнер тотчас заснул, а я пребывала в удивительно приятном состоянии чувственного удовлетворения и полной расслабленности – почти нирвана. Все-таки он исключительный любовник, думалось мне. Не будь так плотно женат, возможно, мои чувства переросли бы в нечто большее. Но его брак и намечавшийся младенец совершенно исключали для меня подобный вариант.

Пока он спал, негромко похрапывая и порой бормоча что-то невнятное, я обернулась простыней на манер римского сенатора и рассматривала альбомы со сделанными им снимками уходящей природы Новосибирска. Деревянные дома с

причудливой резьбой наличников, разнообразные деревянные коньки на крышах, витые железные украшения на воротах, забавные фантазийные флюгеры. Прекрасные, профессиональные кадры.

Самое первое посещение его квартиры, когда мы еще только приглядывались друг к другу, запомнилось мне собственным волнением и его немного хвастливым заявлением относительно наружности супруги. В подтверждение своих слов, он показал мне ее фотографическую карточку, где она выступала в облике русской красавицы, с накинутым на плечи ярким цветастым платком. Снимок был сделан с любовью, помещен в красивую рамку и висел на стене на самом видном месте. Гена искренне восхищался ее внешностью, чего делать в моем присутствии точно не стоило. К тому же, наши вкусы относительно женской красоты явно не совпадали. Если он видел на фото настоящую Царевну-Лягушку, то я – просто лягушку, объемную тетеньку лет тридцати с гаком, русоволосую, с широким лицом, выражение которого меня сразу насторожило. Про себя я тогда подумала, что его избранница внешне, конечно, ничего, даже по-своему симпатичная, но при этом дамочка хищная, эгоистичная и любит только себя. Вслух, однако, своими мыслями делиться не стала, еще подумает, что ревную. Впоследствии выяснилось, что интуиция меня не подвела. Обменяв его трехкомнатную квартиру на свою родную Рязань, она через пару лет его бросила, разменяв при этом квартиру. Бывшему супругу

досталась малогабаритная однушка. Это была его вторая по счету жена и второй ребенок. А впереди, в туманной дали, уже маячили третья и четвертая.

Иногда, листая свой старый фотоальбом, я натываюсь на сделанные когда-то Геной в Центральном парке снимки и испытываю ностальгическое чувство по тому неповторимому времени, по той себе, прелестной своей молодостью и беззаботностью. Подолгу разглядываю эти фотографии, погружаюсь в них настолько, что даже начинаю ощущать июльскую жару того дня, запахи нагретой травы, в которой сижу слегка поджав ноги и чуть запрокинув голову. Чувствую, как пробивающиеся сквозь листья деревьев солнечные лучи ласкают мое лицо. А игра света и тени рождает удивительную атмосферу нежности, хрупкости и быстротечности момента, который фотографу удалось запечатлеть на тех давних кадрах.

Ах, время, время! Бессердечная и неуловимая субстанция, пронзающая все и вся. Иногда его словно бы не существует вовсе. Но подчас оно срывается в галоп, и ты с болезненной остротой ощущаешь, как резко укорачивается твоя жизнь. По пятницам мы по-прежнему собирались у Натали. По-прежнему Таша и Сержик находились то в состоянии нежной влюбленности, то в очередных контрах. Вернее, контры воображала себе Таша, неизменно драматизируя события. Хотя все объяснялось достаточно прозаично: Сержику периодически надоедали звонки Таши, пытавшейся держать его на коротком поводке, и он накрывался медным та-

зом. Возможно, просто отдыхал от навязчивой подруги, а возможно, заводил роман на стороне – кто знает?

Юрик очень редко пропускал наши заветные пятницы. Он явно продолжал неровно дышать к Натали, и только делом времени было, когда он, наконец, осмелится сделать ей предложение. Однако вполне законный вопрос: готова ли к этому она? – пока безмолвно повисал в воздухе. Не исключено, что Юрик уже слишком долго с этим тянул и упустил свой шанс.

В матримониальном плане мужчины в корне отличаются от женщин. Влюбленная женщина как можно скорее стремится узаконить отношения с избранником, тогда как мужчина обычно откладывает окончательное решение на потом, подсознательно надеясь, что все как-нибудь само собой рассосется. Закон этот, конечно, не всеобщий; многое зависит от характера индивида. Если Таша спала и видела, как бы поскорее расписаться с Сержиком, то Натали, почувствовав, что мужчина в нее влюблен и вот-вот сделает предложение, всячески избегала решающего момента. И если увернуться от объяснения в любви все-таки не удавалось, старалась отказать потенциальному жениху как можно мягче и деликатней. В целом, желание создать семью у мужчин возникает позднее, чем у женщин. Но однажды у них в жизни наступает период, когда они страстно желают найти свою половинку. В этот момент их можно брать «тепленькими». Потому что именно в такие моменты они ничего не соображают и скоропалительно женятся черт знает на ком – лишь бы жениться, –

что в недалеком будущем приводит к вполне закономерному результату – разводу. В брачную лотерею случайно не выигрывают.

Проводить время в умных беседах под рюмку вина в пятничном салоне Натали было весьма приятным и познавательным занятием, однако мы были молоды и полны нерастраченных сил, которые стремились вырваться на свободу. Полностью раскрепоститься на природе – что может быть лучше?.. Короче, активный отдых был нам не чужд. Летом устраивали пикники на Оби, целыми днями купались и загорали. Осенью нас захватывал азарт грибной охоты: ничего вкуснее собранных тобой грибов, зажаренных на сковороде с лучком и сливочным маслом, на земле просто не существует. Зимой отправлялись на лыжную базу в Заельцовский бор, где в те годы за умеренную плату можно было оставить верхнюю одежду, подобрать себе лыжные ботинки по размеру и – вперед! – с хохотом и гиканьем, в зимний, сказочно прекрасный лес.

Выезжали утром, но не слишком рано: в ноябре-декабре светает поздно. Около одиннадцати часов уже топтались на легком морозце на площади Калинина, ожидая семнадцатый автобус. Зачинщиками этих поездок, их движущей силой обычно становились мы с Натали. Как правило, нас сопровождал верный Юрик, иногда присоединялась и Таша. И вот что удивительно, в девяти случаях из десяти, откуда ни возьмись – словно черт из табакерки – в пятницу возникал

кто-либо из старых или недавних знакомых, тоже жаждущих кататься на лыжах. Сержик съездил с нами только раз – и завязал. Подозреваю, его не вдохновлял сухой закон, который мы негласно соблюдали в зимнем лесу.

На предпоследней остановке высаживались из автобуса и по петляющей в заснеженном лесу тропинке добирались до лыжной базы. Сдавали в гардероб зимние пальто и оставались в лыжных костюмах; тщательно выбирали себе лыжи, примеряли по несколько пар ботинок – очень важно, чтобы были по ноге, впору. Высыпали гурьбой из натопленного нутра деревянного здания базы на улицу, цепляли лыжи к ботинкам, и вот она – безусловная свобода. Вдохнуть полной грудью морозный воздух и – бегом по накатанной лыжне вглубь леса. Ощущение бодрости, всплеск энергии и восторга. Лыжи легко скользят по снежному насту – кажется, что уже летишь над землей. А вокруг... ну, да – сказочная феерия. Деревья в пушистом инее, голубоватые снежные шапки на еловых лапах, снег сверкает на солнце мириадами искр. Рождественская идиллия с цветной открытки, да и только. И морозный лесной воздух, который хочется черпать ложкой, которым дышишь – не надышишься. Мы гуськом бежим друг за другом, нагоняя, отставая, перегоняя лидеров, пихаясь и толкаясь, падая в снег и хватая протянутую руку, чтобы снова подняться на ноги. Хохочем, перекрикиваемся, но никто никого не слышит и не слушает. Общий душевный подъем объединяет и наполняет детской радостью.

В город возвращаемся затемно, усталые, довольные, счастливые. Разбредаемся по домам и падаем в кровать. До чего же жить хорошо!..

С середины декабря Юрик стал появляться в нашей компании все реже и реже: начал готовиться к госэкзаменам. Обучавшийся на дневном отделении Сержик, вследствие пропусков занятий, многочисленных хвостов и тотального игнорирования учебного процесса, вообще, едва не вылетел из института. Его студенческая судьба висела на волоске, но, в конечном итоге, ему повезло – удалось перевестись на вечерний факультет. Везение его материализовалось в облике Таши, благодаря титаническим усилиям которой он все-таки остался в институте. Дело в том, что с легкой руки папы-декана она теперь служила преподавателем на кафедре научного коммунизма в том самом строительном институте, где бил баклуши Сержик. Случайность? Безусловно. И счастливая фортуна Сержика. Ибо теперь она вела у него семинары по политэкономии социализма. Всерьез перепугавшись, что его отчислят, она стояла у него над душой, заставляя заниматься, договаривалась с преподавателями о пересдаче экзаменов, увещевала не сдаваться, а потом буквально за руку таскала нерадивого любовника сдавать хвосты. И когда после долгих мытарств Сержика все же оставили в институте, разрешив перевестись на вечерний факультет, наконец, вздохнула свободно.

Наша жизнь была настолько разнообразной, до отказа на-

полненной событиями и любовью, что в суете дней мы даже не заметили, как наступило 31 декабря. Новый год на носу, а у нас ничего не готово!.. Срочно созваниваемся и решаем, кто чего и сколько съедобного с собой принесет – не вешать же все на Натали. Тем более, это бесполезно: она умеет готовить только яичницу, ну, в самом исключительном случае пожарит картошку.

Будучи человеком ответственным, ровно в двадцать ноль-ноль я уже входила в подъезд Натали. К счастью лифт работал. Оказавшись в прихожей и стряхнув с одежды снег, быстро разделась, прошла на кухню и попросила фартук, чтобы вплотную заняться салатами, селедкой и прочими закусками. «На горячее будет тушеный гусь, мама приготовила!» – крикнула из комнаты Натали, неспешно приводя себя в порядок и наряжаясь к приходу гостей. Бусы, браслеты, серьги, – все яркое и праздничное. И открытое платье в пол.

Таша позвонила в дверь в начале десятого, вся в снегу с ног до головы, похожая на снегурочку в своей модной короткой шубке и пушистой меховой шапке. «Такая метель!» – бодро заявила с порога. Сняла и отряхнула от снега верхнюю одежду, так что под ногами сразу образовались лужицы, которые с ворчанием вытерла Натали. Раздевшись, Таша тотчас потребовала кофе для восстановления сил, ибо добираться по заснеженному городу пришлось пешком: автобусы, троллейбусы и прочий транспорт увязал в сугробах и почти не ходил. Сварили и выпили кофе, потом принялись

накрывать на стол, при этом болтая без умолку. Таша артистично и с юмором представляла, как заставляла Сержика учиться, звонила ему домой, проверяя, на месте ли ее нерадивый студент, или уже куда-нибудь слинял. Сама не думала, что могу быть такой стервой, удивлялась она. Стояла у него над душой, пока не спихнул все зачеты и экзамены.

– Кстати, самый последний экзамен, по научному коммунизму, принимала у него лично я, – скромно сказала она.

– Неужели выдержал? – Ехидно поинтересовалась Натали.

– А ты как думаешь? – серьезно сказала я. И мы дружно рассмеялись.

– Между прочим, Юрик тоже все экзамены сдал, – сообщила Натали. – Вчера звонил и обещал явиться – жаждет со всеми увидеться.

– Ну, правильно, – заметила я, – его уже недели три не было.

– Учится человек, занимается, не то, что некоторые, – поучительно сказала Натали. – После зимних каникул примется корпеть над дипломом.

Тут в дверь снова позвонили, и перед нами – лёгок на помине – предстал Юрик собственной персоной. Тоже в снегу с головы до пят, однако оживленный и радостный. Обозрев очередного «снеговика» и возмущенно фыркнув, Натали в прихожую его не пустила, а выдала веник и заставила отряхиваться в коридоре. Само собой, дверь напротив тотчас приоткрылась, и показалась любопытствующая соседка.

– С наступающим, тетя Нюра! – С сарказмом поздравила ее Натали.

– И вас также! – Отозвалась тетя Нюра, ничуть не смутившись. – Чо, гулять будете?

– Обязательно, – подтвердила Натали, за рукав втащила Юрика в квартиру и захлопнула дверь. – Вот ведь чертова баба! – произнесла в сердцах. – Ну, неужели ей нечем заняться?!

Вопрос явно был риторическим и повис в воздухе. Юрик втиснул пальто на вешалку и вслед за нами прошел в комнату.

– Хотел раньше подъехать – весь транспорт стал намертво. От площади Ленина пришлось пешком топтать, – сказал Юрик. – По дороге в гастрономе советское шампанское взял. Очередь аж на улице начиналась!..

– Да-а... погодка... настоящий буран, – подтвердила Таша. – Я тоже пешком шла. Сержик обещал подъехать к девяти, а уже почти десять. Надо же еще старый год успеть проводить!

Пребывая в ожидании своего избранника, Таша, как всегда, сильно нервничала, и когда внезапно заверещал дверной звонок, вздрогнула и опрометью бросилась открывать. Наконец-то он, ее любимый мужчина!.. И сразу следом – Миша и Николай. Миша появился в нашей компании сравнительно недавно. Как-то раз его привел с собой Юрик, за которым водилась дурная привычка завязывать знакомства на

улице, и потом тащить нового друга к кому-нибудь в гости. По случаю, Миша оказался неглупым молодым человеком со стремлением к просвещению и в нашей компании задержался. Высшего образования у него не было. После детдома окончил техникум и сразу угодил в армию. Служил на подводной лодке и очень интересно и красочно рассказывал о походах, в которых принимал участие – именно тогда ему удалось побывать с дружеским визитом в нескольких зарубежных странах. Большим плюсом было то, что он неплохо брэнчал на гитаре и приятным баритоном исполнял душевные песни из военного и городского фольклора. Натали относилась к нему немного покровительственно. Ему же явно импонировало, что он общается с такой образованной и воспитанной дамой, которая дает ему интересные книги и ненавязчиво обучает хорошим манерам. Был он моложе нас лет на пять, но уже обзавелся любимой девушкой (из того же детского дома), на которой впоследствии счастливо женился.

Старый год таял на глазах – и надо было проводить его с почестями. Девушки накрыли на стол, и все расселись, кто как сумел: из сидячих мест в комнате имелись только софа, два кресла и табуретки из кухни. Ничего, в тесноте да не в обиде! Настроение было приподнятое. Наступления следующего года всегда ожидаешь с радостным энтузиазмом – кажется, будто именно в этом году с тобой произойдет нечто неожиданное и обязательно хорошее. Так уж мы, люди, устроены. В качестве хозяйки дома Натали провозгласи-

ла первый тост «за год уходящий, который, в общем-то, был снисходителен к нам» – нежно звякнули хрустальные бокалы – и понеслось.

Пьяненькие и веселые, приветствовали Новый год выстрелами пробок шампанского и громкими воплями. Погасили свет, зажгли бенгальские огни и с наслаждением глотали холодное шипучее вино, радостно чокаясь, смеясь, перешучиваясь. Конечно же, наступивший год непременно будет для всех счастливым и удачным – а как иначе? Допили шампанское, отведали наготовленных яств, разлили по бокалам вино и водку и по требованию трудящихся снова выпили и закусили оливье, селедочкой с луком и шпротами. Праздничная атмосфера продуцировала собственную реальность: привычное время перестало существовать, то ли вовсе остановилось, то ли ускорилось настолько, что не догнать; всё вокруг стронулось с места, закружилось, взвихрилось и превратилось в один мажорный красочный калейдоскоп.

Накопленная энергия требовала выхода. Сначала отплясывали шейк, потом поставили русскую плясовую. Миша вприсядку пошел по кругу, к нему тотчас присоединилась Таша и поплыла, поплыла плавно, помахивая платочком, выступая, будто пава. Оба заслужили аплодисменты. Немного отдышавшись, Миша взял в руки гитару; я попросила его сыграть цыганочку с выходом. Накинула на плечи яркий павлово-посадский платок и для начала мягким скольльзящим шагом прошла по комнате, сначала медленно и плавно, за-

тем все быстрее и быстрее, вслед за ускорившейся заводной мелодией. Невольно подпав под зажигательный ритм цыганочки, Николай не удержался, хлопнул себя по колену и подлетел ко мне. Остальные образовали круг и дружно хлопали в ладоши. На сумасшедшем темпе, измотав нас окончательно, гитара издала последний стонущий аккорд – и мелодия оборвалась. Разгоряченная, я без сил упала на софу. Аплодисментов и восторженных криков «браво» нам с Николаем тоже перепало с лихвой. Пока мы пытались отдышаться, Натали поставила на проигрыватель аргентинское танго. Сержик подхватил Ташу, Юрий – Натали, и они разыграли настоящее танцевальное шоу с роковыми страстями. В конце концов, Сержик переусердствовал с пантомимой, не удержал Ташу, и она шлепнулась на ковер. К счастью, не ушиблась. Хохотали все, в том числе сама Таша.

Скоро общий порядок расстроился окончательно. Кто-то продолжал самозабвенно танцевать, другие общались между собой, пили вино, сок, коктейли, выходили на кухню покурить. Я откинулась в кресле, потягивала сухое вино и созерцала происходящее, словно со стороны. Юрий нашел пластинку с медленным вальсом, завел ее и церемонно пригласил меня на тур танца. Николай танцевал всех дам по очереди, да и остальные постоянно менялись партнерами и партнершами – Новый год!..

Мой бой-френд Гена на праздники уехал к жене в Рязань, я была совершенно свободна и чувствовала себя прекрасно.

Человек он, без сомнения, интересный и неординарный, не говоря уже о том, что любовник роскошный. Единственный недостаток – прирожденный Казанова, если, конечно, для мужчины с такими природными данными это недостаток. И все же чего-то мне в нем не хватало, возможно, той доли сумасшедшинки, без которой человек кажется пресным и, в конце концов, надоедает.

Щеки у меня горели, можно спички зажигать, и я вышла освежиться на кухню. Форточка была широко распахнута, морозный воздух туманом опускался на пол, неся прохладу – ах, как хорошо... Немного остыв, закурила сигарету. Скоро забежала Таша и тоже закурила, однако, сделав несколько затяжек, загасила сигарету в пепельнице и снова поспешила в комнату. Весь вечер она не отходила от своего Сержика ни на шаг и глядела на него глазами преданной сторожевой собаки, дескать – моё! – попробуй, тронь! Впрочем, на нас с Натали ее ревность пока не распространялась, да мы вроде бы и повода не давали.

А ведь, пожалуй, зря Таша с нами расслабилась, подумала я, проводив ее взглядом. В последнее время Сержик подозрительно сблизился с Натали: заезжал к ней гости распить бутылочку-другую, потом звонил своей боевой подруге – она тотчас бросала все дела и приезжала. И хотя это выглядело достаточно естественно: друзья и все такое прочее, мне представлялись подозрительными столь тесные дружеские узы. Натали женщина обаятельная, и Сержик, уверена,

посещал ее не просто так, а с задней мыслью когда-нибудь залезть к ней в постель. Возможно, он даже не задумывался об этом, однако мужское подсознание настаивало: если в ареал твоего обитания попала интересная женщина, она должна принадлежать тебе. Похоже, в Ташину голову подобный расклад не приходил, а просвещать ее на этот счет я не собиралась: себе дороже, только подругу потеряешь. Но самым неприятным было то, что Сержик и мне делал определенные реверансы. И хотя для меня, как для Ташиной подруги, это было совершенно неприемлемо с моральной точки зрения, для меня, обычной земной женщины, это выглядело весьма привлекательно: мощной мужской энергии Сержика трудно было противостоять.

Много лет подряд у нас существовал негласный ритуал, который никогда не обговаривался и, тем не менее, исполнялся неукоснительно. В новогоднюю ночь, невзирая на любые погодные катаклизмы, нужно было непременно побывать на улице. Под восторженные женские крики торжественно раскупоривалось шампанское, зажигались бенгальские огни и хором призывался Дед Мороз, который почему-то никак не желал являться; разве что под всеобщий хохот, невесть откуда, возникал забавный пьяненький Морозушко со сдвинутой набок бороденкой и получал свою пенную чашу. Тот год не стал исключением; часа в три ночи, когда праздничный запал немного выдохся, Натали предложила идти в парк кататься с ледяных гор. Идея была приня-

та с энтузиазмом: в парк, в парк, конечно, в парк – и сейчас же!! Благо находился он в десяти минутах ходьбы. Шумной гурьбой скатились по лестнице (лифт почему-то не работал) и высыпали на улицу. Легкий морозец – всего-то градусов десять! – бодрил. Буран как по заказу прекратился, и сделалось удивительно тихо. Полной грудью вдохнув живительный морозный воздух, я огляделась: рождественская сказка, да и только!

В парке кипела ночная жизнь. Проходя мимо фонаря, я подняла голову, да так и застыла в немом восторге. Замедленно, как в кино, кружась и планируя, словно крохотные вертолеты, опускались с неба изумительной красоты снежинки, идеальные в своей кристаллической законченности; ложась на мягкие снежные перины, они переливались в свете фонарей драгоценными самоцветами. Ко мне подошел Юрик, тоже посмотрел вверх и замер, зачарованный. Остальные, не столь впечатленные изысканной красотой падающего снега, фееричностью этого события не прониклись и с шутками и прибаутками направились к ледяной горке. Сугробы в парке намело порядочные, так что вкусить удовольствие от толкания девиц в сугробы, их визга и возмущенных воплей нашим парням довелось в полной мере. Насладившись созерцанием ледяного совершенства снежинок – похоже, Снежная Королева приберегла их на новогоднюю ночь специально – я потянула Юрика за рукав. Он очнулся от транса, и мы поспешили вслед удалявшейся компанией.

Катание с ледяных гор – стародавняя излюбленная забава сибиряков. Вокруг каждой горки настоящее столпотворение. Все катаются взапуски, словно в детстве, пихаясь и веселясь от души. В Новый год взрослые ненадолго становятся детьми, позволяя рождественскому волшебству разбудить в себе ребенка, способного искренне восхищаться мигающими огоньками гирлянд, спрятанных в еловых ветках, вкусом снятых с ёлки конфет и мандаринок; иными словами, в полной мере ощутить радость бытия – качество, которое с возрастом люди постепенно утрачивают. Наши парни подобрали поблизости несколько заледеневших картонок, на которых днем катались ребяташки, и мы в порядке очереди (все взрослые и дети стремились прокатиться), гуськом поднимались наверх, и с криками и смехом скатывались вниз по одному, по двое, всем гуртом, выбирались из кучи малой и снова лезли наверх. Горка была довольно высокой, ледяная дорожка длинной и хорошо залитой, так что скользить по ней сверху, набирая скорость, было отчаянно приятно. Главное, не потерять шапку, потом в этой толчее концов не сыщешь – запросто сопрут.

Вдоволь накатавшись и слегка охрипнув от собственных восторженных криков, мы, наконец, собрались под старой елью, ветви которой прогибались под тяжестью снега, и открыли шампанское. Не принимавшая участие в наших снежных забавах Таша все это время терпеливо носила за нами сумку с бутылкой и пластиковыми стаканчиками, так как не

сообразила одеться должным образом. Пить шипучее вино на десятиградусном морозе под елкой – это что-то. Разумеется, кто-то из парней не удержался, дернул за ветку – и на нас обрушился целый сугроб снега. Девушки возмущенно заверещали, парни бесконечно радовались своей дурацкой выходке. Отряхнувшись от снега и высказав все, что мы про них думаем, отправились к аттракционам. Удивительно – посреди ночи аттракционы работали. Конечно, не все, только карусели и чертово колесо. Волшебство Новогодней ночи!.. Возле каруселей играла музыка, на них мигали цветные огни, люди толпились, чтобы только купить билет и оказаться в этой веселой круговерти. Возникла дилемма: карусель или чертово колесо? Большинство голосов выбрали колесо.

Я оказалась в одной кабинке с Юриком, Натали с Колей, Таша с Сержиком, Мишу подсадили к какому-то парню. Высота меня не несколько не страшит, скорее, тонизирует, так что я в полной мере наслаждалась подъемом и ощущением полета. Кабинку колеса обозрения с помощью руля можно было вращать вокруг собственной оси, и я тихонько крутила его, озирая окрестности. Как хорошо-то!.. Медленно вознося тебя вверх, колесо с высоты птичьего полета позволяло увидеть сверкающий праздничными огнями город. Только Юрику, кажется, было не до красот. Я не сразу обратила внимание, что он сильно побледнел и сидит, вцепившись в поручни и не двигаясь. Боишься высоты? Спросила я. Нет, ответил он, – немного. Бедняга, подумала я, боится ужас-

но, но мужественно преодолевает страх. Это вызывало уважение. Почему-то меня высота никогда не пугала, гордиться тут нечем – врожденное качество.

Опустившись на землю, еще немного погуляли в парке и вернулись домой. Снова сели за стол, выпили, пытаюсь поднять тонус, но, ни есть, ни пить, ни танцевать уже не хотелось – усталость давала о себе знать. Часов в пять стали расходиться. Сержик с Ташей проводили меня до дома и отправились дальше. Юрий маршевым шагом устремился к вокзалу, оттуда можно было первой электричкой уехать на другой берег Оби. Коля и Миша тоже распрощались и двинулись в сторону центра. Наступило первое января нового года.

Новогодние праздники всегда пролетали на удивление быстро; в восьмидесятые годы им отводилось только первое января, второго уже выходили на работу. Официально праздник заканчивался, неофициально – только начинался. Потому что 7 января по новому стилю мы отмечали православное Рождество, далее следовали святки, Старый Новый год 13 января и, наконец, Крещение.

Святки это совершенно особая страница женской жизни. Почти все молодые незамужние женщины в эти дни непременно гадали, да и теперь точно также гадают на женихов, используя карты, расплавленный воск, сооружая возле кровати колодец из веточек и произнося заговор, чтобы, значит, суженый пришел во сне к колодцу испить водицы. Не забыто и старинное гадание на зеркалах, которые ставятся друг про-

тив друга, а по обеим сторонам зажигаются восковые церковные свечи. В зеркале возникает бесконечный освещенный коридор, в который надо всматриваться не мигая, и если вдалеке появится нечто и начнет приближаться (это может быть суженый, какая-нибудь страшная рожа, или даже гроб), постараться рассмотреть видение и быстро опрокинуть зеркало, чтобы *она* не вылезло в наш мир. А то ведь и придумать может. Гадать необходимо в полночь и в полном одиночестве. Я однажды попробовала, но едва в светящемся зеркальном коридоре наметилось какое-то движение – до смерти перепугалась и тотчас опустила зеркало. Страшно стало просто до жути. С тех пор я предпочитаю более щадящие нервы гадания. Можно, например, в один из святочных дней (разумеется, в полночь) зажечь церковную свечу и лить расплавленный воск в чашу с водой. Воск застывает, образуя в воде причудливые формы, ты вынимаешь затвердевшие восковые куски из воды и стараешься прочесть свое будущее, рассматривая застывшие восковые картинки и пытаясь их интерпретировать.

Рождественские святки упирались в Старый Новый год, который отмечался непременно с оттенком чертовщинки, все-таки 13-ое число. Затем начинались крещенские святки, и снова можно было ворожить вплоть до самого праздника Крещения 19 января. Водосвятие производилось только в церквях, купание в проруби на Крещение в восьмидесятые годы прошлого века еще смотрелась настоящей экзотикой.

Общенародное окунание в прорубь стало входить в моду в 90-е годы, когда население в своем большинстве ощутило, что наступает полный кирдык. Впрочем, отдельных шустрых особей это не касалось: они быстро богатели и жили припеваючи, хотя, как правило, не очень долго.

После праздников – увы – наступили серые будни, и градус настроения заметно упал. Да и с чего бы ему ползти вверх, когда «три девицы» – Натали, Таша и я – без энтузиазма вышли на работу, Сержик отправился в свой институт, ему предстояло еще сдать сессию в качестве новоиспеченного студента-вечерника, ну а Юрик вплотную приступил к написанию дипломной работы. Днем он трудился лаборантом в родном институте, вечерами корпел над дипломом, так что по пятницам теперь появлялся в нашей компании лишь изредка. Хотя, возможно, все проще: Натали к нему несколько охладела, и он интуитивно это почувствовал. Лично мне казалось, что в качестве возлюбленного он уже получил негласную отставку, но сам себе в этом не признавался. Или же пока просто не догадывался.

Возможно, их романтические отношения могли продлиться дольше, если бы в конце февраля в город не нагрязнул Вова-пионер. Он позвонил Натали и... Дальнейшее покрыто мраком, ибо на какое-то время она полностью исчезла из моего поля зрения. Верно говорится: старая любовь не ржавеет. В одну из пятниц – обычный день наших еженедельных посиделок – я вечером зашла к Натали. Вова-пио-

нер был уже там. Оба выглядели влюбленными (это просто бросалось в глаза), тем не менее, в воздухе витало напряжение. Вова ощутимо был на взводе, Натали тоже дергалась по мелочам. Чуть позже на огонек заглянула Таша. Скоро мы с ней почувствовали себя лишними и быстренько ретировались. Направляясь к остановке троллейбуса, увлеченно обсуждали сложившуюся ситуацию.

– Да-а, невооруженным взглядом видно, как сильно она на него запала, – сказала Таша и, вздохнув, продолжила, – только вряд ли последует за ним в тот городишко под Иркутском – не помню названия. Ну а Вову, кажется, провинциальная жизнь вполне устраивает. Что весьма разумно. С хорошим образованием он сделает там прекрасную карьеру. А какая в таежных местах охота и рыбалка – роскошь!.. Мечта любого настоящего мужика.

– Охота и рыбалка, понятное дело, вещи для мужчин чрезвычайно завлекательные. Только Натали за ним в глушь вряд ли потащится, чай, не жена декабриста, – вслух размышляла я. – К тому же, жить придется в частном доме, заниматься домашним хозяйством: огород сажать и все такое прочее, там овощей в магазине не купишь, все свое должно быть. Натали к такому не приспособлена. Она даже молнию на юбку поставить не умеет, не говоря о стряпне, – обедами матушка ее снабжает.

– Ну, это дело наживное. Научиться можно всему, если по-настоящему любишь, – резонно заметила Таша.

– Вернее, если захочешь научиться, – усмехнулась я. – Ты же знаешь Натали! Она эгоистка до мозга костей, что не мешает ей быть хорошим другом. Но вот домработницей она никогда не согласится стать из принципиальных соображений. Потому что ощущает себя истинной дамой, а не рабочей лошадью.

– Твоя правда, – с долей разочарования произнесла Таша, – но любовь, любовь...

– Хочешь сказать «любовь творит чудеса»?

– Именно.

– С тобой – возможно. Но Натали устроена по-другому. Даже не могу себе представить, чтобы она влюбилась до потери сознания. Когда ради сумасшедшей страсти женщина готова на все, полностью лишается разума и пускается во все тяжкие. Другое дело: флиртовать с поклонниками, совершенно задурить им голову и потом манипулировать, как марионетками – на это она мастер. Допускаю, может сильно увлечься кем-то, даже влюбиться, но никогда не поступится своими интересами и собственным комфортом.

На остановке стояли долго. Троллейбусы как сквозь землю провалились. Таше надоело ждать, и она решила пойти пешком. Погода была безветренная и на удивление теплая, всего-то минус семь. Домой мне не хотелось, и я увязалась ее провожать. Почему бы не прогуляться, ведь не тридцать же градусов мороза! Шагали бок о бок в молчании и слушали тишину, редко-редко прошуршит по заснеженному асфаль-

ту одинокая машина. Слов не требовалось. Между нами давным-давно установилась энергетическая (душевная? телепатическая?) связь. Под ногами дружески поскрипывал свежий непорочно-белый снежок, зажглись фонари – красота.

Остановились у подъезда ее дома. Расставаться не хотелось, и я поднялась к ней. С Ташей мы дружили со школы, с первого класса, прежде я тоже жила в этом доме и в этом подъезде. С самого детства я интуитивно чувствовала, что ее родители меня недолюбливают. Повзрослев, поняла, что именно их во мне раздражало. По-видимому, досаждала им не столько моя персона, сколько разница в укладах наших семей и отношении к воспитанию ребенка. Если бедная Таша постоянно находилась под жестким контролем – мне предоставлялась практически неограниченная свобода. Уверена, со стороны моих родителей было чрезвычайно разумным не давить на меня, не цепляться по мелочам, а доверять, в надежде, что глупостей я не натворю. И потому с младых ногтей я научилась пользоваться свободой осторожно и вполне осознанно, а Таше пришлось осваивать навыки свободной жизни с первого курса института. После окончания школы родители отправили ее в Москву. Поступить девочке из Сибири в Московский институт экономики им. Плеханова, который всегда считался чрезвычайно престижным вузом, было достаточно проблематично, поэтому в помощь Таше была задействована родная тетка по матери, служившая парторгом Госплана СССР, большая шишка по тем временам. Блат

и связи ведь никто не отменял – и Таша из провинциальной абитуриентки плавно перекечевала на первый курс «Плешки».

А так как девушка она неглупая, то училась вполне сносно и окончила институт в положенное время. Направление на работу получила в Сочи и отправилась туда в полном раздразе чувств. Бурный и, как можно догадаться, несчастливый роман с сокурсником, за которого она собиралась замуж, все еще продолжался и портил нервы обоим, однако ни у него, ни у нее не находилось решимости поставить жирную точку. Как и в истории с Сержиком, от Лёнечки она тогда была без ума в прямом смысле этого слова. Страдания по поводу оставшегося в Москве любимого мужчины и полная неопределенность их отношений, которые окончатся то ли свадьбой, то ли полным разрывом, привели к тому, что Таша впала в депрессию, от которой пыталась излечиться, ведя излишне разгульную жизнь с постоянными возлияниями. Однако родители не дремали и со скандалом – она еще не отработала трех положенных лет после института – забрали ее из развеселого города Сочи в родной Новосибирск.

Со своей институтской любовью ей пришлось бесповоротно распрощаться по настоянию родителей. Дело в том, что Лёнечка принадлежал к старинной московской еврейской семье, а родители Таши не то чтобы были антисемиты, но как-то не представляли, что в их благородном семействе, среди предков которого даже присутствовала одна королев-

ская особа, вдруг появится еврейский отпрыск. Хотя в данном случае движение было двусторонним, ибо еврейское семейство ее возлюбленного никогда бы не дало согласие на брак с русской. Наперекор родителям ни он, ни она пойти не решились. Вернувшись домой в Новосибирск, Таша какое-то время жутко страдала, но постепенно успокоилась. И окончательно пришла в себя, узнав, что ее Лёничка женился на институтской подруге Галке Ватник, тоже чистокровной еврейке. Такова жизнь.

Преследовавшая ее после возвращения апатия не помешала ей устроиться экономистом в небольшую контору, где она потихоньку перепечатывала себе и нам наиболее интересные самиздатовские книги. И лишь спустя какое-то время ее отец, декан строительного факультета, помог дочери перейти на работу в свой институт, на кафедру политэкономии и научного коммунизма. По счастью, несмотря на свою скучноватую профессию и серьезное экономическое образование, она не растеряла природной артистичности, так что ее семинарские занятия студенты старались не пропускать. Она по-прежнему увлекалась литературой и искусством и питала слабость к археологии, которую беззаветно любила, как свою неосуществимую мечту. Книжные полки ее комнаты были заставлены книгами по древним культурам и цивилизациям, изданным на мелированной бумаге, с великолепными иллюстрациями. Порой, глядя на нее, я искренне сожалела, что родители не разглядели в собственной дочери тонкую твор-

ческую натуру и буквально задавили своим авторитетом, заставив заниматься нелюбимым делом. Но что тут поделаешь – она бы никогда против них не восстала.

Едва я разделась и повесила на вешалку зимнее пальто, из кухни галопом примчался Анчар, нагло сунул нос мне под юбку и с удовольствием обнюхал. Таша, смеясь, оттащила от меня собаку и легонько шлепнула по заду. Породистый ирландский сеттер, красавец и победитель многих выставок, радостно поскуливал и бесом крутился возле нас, выражая безмерный восторг любви к хозяйке. Из гостиной выглянула мать Таши и поздоровалась со мной. У нее было бесстрастное лицо каменной бабы, хотя черты лица вполне европейские. Я чувствовала, что она до сих пор меня не жалует – и черт с ней! Мы сразу прошли в Ташину комнату и закрыли дверь на задвижку, чтобы Анчар не мешался под ногами. Я вольготно расположилась на диване, в то время как Таша принялась суетливо рыться на книжной полке – ей не терпелось похвастаться недавним приобретением, роскошным альбомом с иллюстрациями по крито-микенской культуре. Альбом был увесистый, и она, сев рядом со мной на диване, пристроила его на коленях и принялась листать. Снимки развалин и старинных вещей, в самом деле, были исключительного качества. Таша сопровождала их увлекательным и подробным рассказом об этой древней средиземноморской культуре, погибшей в результате взрыва вулкана на острове Санторини. Глядя на нее, создавалось впечатление, буд-

то она уже неоднократно побывала на развалинах Кносского дворца, который обнаружили на острове Крит неподалеку от города Ираклиона, где уже много лет ведутся археологические раскопки. Ну да, тот самый мифический дворец, в лабиринте которого обитал чудовищный Минотавр, и влюбленная Ариадна дала Тесею клубок ниток, чтобы он смог оттуда выбраться.

До чего же чудесно сидеть на диване рядом с подругой детства, которая тебе как сестра, слушать краткую лекцию по археологии, наслаждаться теплом дома и духовной близостью. Состояние абсолютного доверия и полного растворения в друзьях свойственно юности и длится ровно до тех пор, пока предательство близкого человека не нанесет твоей душе смертельный удар, навсегда похоронив прекрасную иллюзию единения и вечной дружбы.

Время удивительная материя. Невидимая, неосязаемая и совершенно реальная. Иногда оно тащится, как хромая кляча, иногда ни с того ни с сего пускается вскачь. Неумолимый старец Хронос, зажав в правой руке косу, левой придерживает песочные часы, отмеряющие наш земной срок. Захваченные жизненной суетой, мы не думаем о быстротечности времени и неотвратимости смерти. Да и зачем: конец для всех един. Наверное, самые мрачные мысли посещают нас именно зимой. С приближением весны мы оттаиваем и оживаем, как травка под солнцем.

Конец февраля в Сибири не только зимний месяц, но ча-

сто и наиболее снежный и холодный. И все же призрак весны уже витает в воздухе. Световой день ощутимо удлинился, под лучами солнца подтаял снег на крышах и стали плакать сосульки, а в наметенных за зиму сугробах образовались темные рыхлые дырки – предвестники весны, – отчего они стали походить на гигантские головки сыра «со слезой». Впрочем, зимушка-зима не собиралась сдавать своих позиций; по ночам столбик термометра стабильно опускался ниже тридцатиградусной отметки.

Наступившие холода всех нас немного «подморозили». Сержик успешно сдал сессию и на радостях куда-то запропастился. Таша страдала и вызванивала его. Юрий погрузился в написание диплома. Я сильно простудилась и сидела дома. Натали неожиданно впала в глухую депрессию, что ей вообще-то несвойственно, и ни с кем не желала общаться. Мне представлялось, что она тоскует по уехавшему в далекий восточносибирский городок Вове-пионеру – это было понятно и простительно. Откуда у породистого, статного, с чувством собственного достоинства парня взялось прозвище «пионер», так и осталось для меня загадкой. Бог ведает, как возникают эти самые прозвища, которые потом намертво прилипают к человеку и остаются с ним на всю жизнь.

Распроставшись, наконец, с простудой, я решила навестить Натали и, несмотря на ее упорное сопротивление, напросилась в гости. Настроение у нее было воистину гробовое. Только из чистой вежливости она заставила себя сва-

рить кофе. Мы сидели за журнальным столиком в ее комнате, пили кофе и молчали. Не выдержав, я стала донимать ее расспросами. В результате, она сдалась под моим напором и сообщила, что залетела. Срок беременности небольшой, но она просто не знает, что делать. Про отца ребенка я допытываться не стала – она явно не желала делиться своим секретом.

– Черт возьми, – сказала я, – как неудачно. Без презерватива, что ли, развлекались?

– А ты как думаешь? – сердито буркнула она.

– И что собираешься делать? Рожать будешь?

– Я вообще не знаю, что делать. На днях позвонила Сержику и попросила приехать. Рассказала ему о своей проблеме и попросила стать отцом ребенка.

– В каком смысле?

– Номинально, конечно. Родится, я запишу его отцом, а потом никаких претензий с моей стороны.

– И он согласился? – изумилась я.

– Да.

– Настоящий друг. Вот уж от кого не ожидала. Но ты действительно хочешь ребенка?

– Нет, конечно! Вообще не представляю, как в наше время можно заводить детей: работа, дом, пеленки, муж... Я все-таки женщина, а не рабочая лошадь. Но куда деваться?

– Пойди и сделай аборт.

– Ой, оставь меня в покое! Лезешь со своими расспроса-

ми, а мне и так тошно.

Распространяться на эту тему она больше не пожелала. Мы немного поговорили на какие-то вполне нейтральные темы, и я ушла. Пару недель мы с Натали не виделись, только изредка перезванивались. Ни под каким видом она не желала вдаваться в подробности своей личной жизни. Я догадывалась, что возможным отцом будущего ребенка мог быть Вова-пионер, однако даже не пыталась заикнуться об этом. И вдруг она сама неожиданно позвонила мне в прекрасном настроении и позвала в гости. Немного удивившись столь разительной перемене ее психологического настроения, я, конечно, воспользовалась приглашением, еще и бутылку Алиготэ прихватила.

Натали встретила меня в отличном расположении духа. Сейчас она выглядела прежней, какой я знала ее всегда: уравновешенной оптимисткой с склонностью в скептицизм, и уже вполне себе в норме. Тут же в прихожей, увидев мое недоумение, она язвительно поинтересовалась:

– Что уставилась, будто видишь впервые?

– Радуюсь, что у тебя хорошее настроение.

– Еще бы не быть хорошему настроению – вопрос с беременностью решился. Я теперь совершенно свободна.

Мы устроились возле журнального столика, она разлила вино по бокалам, и мы выпили за удачное решение ее проблемы. Выпили и тотчас закурили. Курила она вкусно, с удовольствием и, наконец, заговорила.

– Знаешь, подруга, я на тебя сердита. Так друзья не поступают.

– Это еще почему? – я глядела на нее в полном недоумении, не чувствуя за собой никакой вины.

– Ты не помогла мне в трудную минуту. Я не знала, что делать, а ты ушла в сторону. Вот Таша – настоящая подруга. Едва я рассказала ей, в чем дело, она сразу позвонила Ларе, своей старой приятельнице, акушеру-гинекологу, та положила меня к себе, и через день мне сделали аборт.

– Про Лару я как-то не подумала, – сказала я. – Мы с ней давно не виделись.

– Я же вообще не представляла, что мне делать. Ты сказала: «Пойди и сделай аборт». А куда идти? К кому обращаться?

– Так ты что, не знаешь?! – изумилась я. – Надо было обратиться в женскую консультацию и взять направление на аборт. Сейчас это вполне рутинная процедура. Половина женщин делает аборт.

– Откуда мне было знать? Я думала, что аборт запрещены.

– Ты думала – что?! – Своим заявлением она меня просто убила, и я буквально лишилась дара речи. – С ума сойти! – наконец выговорила я. – Мне и в голову прийти не могло, что ты не в курсе. Я бы сама с тобой ходила в консультацию. Бедная... Теперь-то я понимаю, как ты переживала. Но почему не призналась, что не знаешь как быть? К твоему све-

дению, еще в пятидесятые годы разрешили делать аборты, потому что женщины погибали, пытаясь избавиться от внеплановой беременности. Чего только тогда ни делали: прыгали с высоты, парились в горячих ваннах и пили водку, даже луковицу засовывали во влагалище, чтобы та проросла в плод, а потом вытаскивали из матки – гарантированное заражение крови.

– Ой, не надо мне про все эти ужасы! Да, представь себе, я действительно не имела понятия, что надо просто пойти в консультацию.

Мы помолчали. Я переваривала сказанное, не зная, как отнестись к ее словам. Честно говоря, мысль, что Натали не имеет представления о таких элементарных вещах, казалась мне совершенно невероятной. Хотя... у меня мама врач, может, потому и мне известно. Да нет же, все мои знакомые женщины об этом знают.

– Извини, Натали, – наконец заговорила я, – если бы я почувствовала, поняла, как тебе плохо... Даже не подумала, что ты не в теме. Почему прямо меня не спросила?

– Ташу я ни о чем не спрашивала – она сама предложила свою помощь. Сразу.

– Ну, прости! Как мне перед тобой оправдаться? Честно, я и вообразить не могла, насколько ты дремучая в этом вопросе – тут я не выдержала и хихикнула. – Это же дичь какая-то! Семнадцатый век.

– Может и семнадцатый, – с обидой отозвалась Натали, –

ну, такая я есть – дремучая. – Она замолкла, все еще пытаюсь на меня сердиться, но потом не выдержала и тоже рассмеялась. – Ладно, мир. В конце концов, если взглянуть на ситуацию твоими глазами, действительно, редкостная глупость.

И больше мы к этой теме не возвращались.

На моем горизонте вновь замаячил Гена, вернувшийся из очередной поездки в Рязань. Позвонил и долго и витиевато изъяснялся, как по мне соскучился. И опять мы стали встречаться у него на квартире. Оказывается, интенсивно занимаясь обменом, его жена уже практически довела дело до логического конца. Ему оставалось только подписать документы, загрузить вещи в контейнер и отправиться на новое место жительства. Решительный момент настал, и вот тут-то я стала замечать у него признаки неуверенности. Здесь он занимал неплохую должность заместителя директора института по художественным промыслам, был всеми уважаем, и входил в местную номенклатуру. А на что он мог надеяться в совершенно незнакомом городе, где у него нет ни друзей, ни связей? Разве что на родственников жены. Но они вообще из другой среды, никак не пересекающейся со сферой искусства. И хотя внешне он выглядел превосходно, был энергичен, подтянут и находился в хорошей физической форме, ему уже стукнуло сорок шесть; возраст, когда кардинально менять свою жизнь сложновато. Интуитивно я чувствовала, что он сравнивает свою жену со мной, и сравнение это не в ее пользу. Однако в качестве мужа Гену я не рассматривала.

Мой интерес к нему несколько угас, скучновато с ним стало, хотя секс по-прежнему был выше всяческих похвал. Но разве постель в любви главное? Всего лишь одна из составляющих интимных отношений.

Я плыла по течению, не особо задумываясь о будущем, как вдруг в одночасье моя устоявшаяся жизнь совершила резкий и неожиданный кульбит. И связано это было не переменами в моей личной жизни, как можно было бы предположить, а с изменениями в судьбе матери. После давнего развода с моим отцом она много лет прожила одна. Не скрою, романы у нее случались неоднократно, ведь она не только красивая женщина, но и весьма жизнерадостная особа, а это притягивает мужчин, как магнит. Но наконец-то моя драгоценная мутер взялась за ум и соизволила узаконить отношения с очень близким другом, с которым встречалась уже несколько лет. На семейном совете было принято решение о родственном обмене: ее новый супруг заселяется в нашу трехкомнатную квартиру, а я переезжаю в его однокомнатную. Меня это полностью устраивало; я давно жаждала пожить одна, но все как-то не получалось: жалко было разминивать нашу обжитую трёшку на две однушки. И вдруг все образовалось само собой.

Мои сборы и стремительный переезд на новое место жительства превратились в незапланированный праздник, ибо на помощь пришли все мои друзья. В назначенный день наша теплая компания собралась у меня дома и ретиво при-

ступила к выносу громоздких вещей, упаковке книг, которые я планировала забрать с собой, и погрузке имущества в грузовик. Вверх-вниз по лестнице на пятый этаж бегали почти рысью, и управились на удивление быстро. Новый отчим вручил мне ключи от квартиры (его вещи перевезли еще вчера), и мы, устроившись в открытом кузове грузовика на куче вещей, с песнями поехали по улице Крылова, свернули на улицу Луговскую, потом еще раз на Фрунзе – и вскоре оказались на месте. По пути из кузова вывалился стул. Не сразу заметив пропажу, я заверещала, машину остановили, Юрий соскочил на землю и побежал искать – увы, опоздал! – стул уже кто-то упёр, хотя произведением искусства он точно не являлся. Ох, и ушлый у нас народец!..

Прибыв на место, со смехом, шутками и подначиванием споро перетаскали вещи в квартиру. Парни собрали платяной шкаф, диван придвинули к стене, рядом поставили стол и стулья. Узлы с вещами я грудой сложила в угол, не распаковывая – после займусь. Оставалось, по обычаю, справить новоселье, чем мы с энтузиазмом и занялись. Ребята отправились в ближайший гастроном. Женская половина принялась готовить закуску. Нарезали хлеб, колбасу и сыр, разложили по тарелкам, открыли пару банок бычков в томате и трехлитровую банку маринованных огурцов; поставили варить картошку.

Вернулись парни с сумкой портвейна, и мы тут же уселись за стол. Сам переезд отложился в моей памяти, как при-

кольная игра с последующим сабантуем. Почему-то всем было очень весело. Может потому, что на мой призыв откликнулась вся наша компания. Даже Юрик на время позабыл про диплом и приехал, прихватив с собой двоюродного брата Альфреда в качестве грузчика; тот действительно оказался сильным и выносливым и здорово помог с тяжелыми вещами. Светловолосый красавец скандинавского типа, Альфред, едва мы приступили к застолью, настойчиво стал оказывать знаки внимания Натали, и она благосклонно их принимала. Сержик сразу взялся за винопитие, Таша сидела с ним рядом и кайфовала от присутствия любимого мужчины. Юрик немного ревновал двоюродного брата к Натали, однако скоро успокоился, ведь в компании скучать не приходилось: все общались друг с другом. Даже неожиданно прибывший мне на помощь Гена успевал флиртовать не только со мной, но и с Натали, и с Ташей, так что мужским вниманием дамы обделены не были. Захотелось потанцевать. Отыскивали в груде вещей электрофон и к нему несколько пластинок с зажигательными латиноамериканскими мелодиями. Эти пластинки на прошлый день рождения подарил мне Юрик, и сейчас под настроение они пришлись весьма кстати.

Наступил вечер. Выпито было более чем достаточно, однако расходиться народ не спешил. Гена, с которым мы не виделись уже пару недель (я занималась сборами, и было не до него), вдруг со страшной силой возжаждал моего тела. Я тоже была не прочь заняться сексом – да только в комнате

уединиться нигде. Гена же буквально исстрадался, пока ему в голову не залетела идея: ванная-то свободна! И мы, не придумав ничего лучшего, заперлись в ванной комнате, сбросили одежду и занялись любовью под душем. Теплые струи воды, влажная гладкая кожа любовника, яростный секс, еле сдерживаемые стоны наслаждения... Особенно возбуждало, что в комнате сидела компания друзей, которые делали вид, будто ничего не замечают.

Расходились под утро. Натали увязались провожать Юрик и Альфред, Таша ушла с Сержиком, а Гена остался у меня. Переезд с его суетой, безалаберностью и нервотрепкой, как ни странно, оставил у всех чрезвычайно приятное впечатление. Последовавшее затем новоселье, затянувшееся до утра, стерло все неприятные моменты, оставив лишь долгое, с оттенком эротики послевкусие. Потом Натали по секрету мне поведала, что Юрик с Альфредом довели ее до квартиры, напросились на кофе, и она с большим трудом отправила их восвояси. Однако Альфред позднее вернулся, и остаток ночи они провели весьма бурно: «всю ночь кувыркались в постели», по ее выражению. Бедный Юрик, вздохнула я про себя, кажется, ты получил окончательную отставку.

Приключение с переездом благополучно кануло в Лету, и я с энтузиазмом взялась обживать новое место. Перекрасила стены, развесила шторы, извлекла из коробок и поставила в книжном шкафу книги. Ощущение, что отныне я сама себе хозяйка вдохновляло; теперь мне не требовалось

скрывать свою личную жизнь от мамы. Хотя я никогда особо от нее и не скрывалась. Относительно интимных связей она всегда была на редкость либеральна, так что мое поколение нисколько не шокировало ее своим легкомысленным отношением к сексу без штампа в паспорте. Создавалось впечатление, что моя мама принадлежит скорее к нашему поколению, нежели к своему довоенному. В ее взгляде на сексуальные отношения никогда не наблюдалось излишнего консерватизма. Видимо поэтому мои подруги воспринимали ее больше как подружку, нежели строгую родительницу. К примеру, Таша часто советовалась с ней относительно всевозможных болячек, в основном, по женской части, чего бы никогда себе не позволила с собственной матерью, у них так и не сложились доверительные отношения. Свою сложную любовную драму с Сержиком она тоже неоднократно обсуждала с моей мамой.

Моя заветная мечта жить самостоятельной жизнью, наконец, воплотилась в реальность. Единственным минусом стало то, что едва я обустроилась на новом месте, как наша компания тут же перекочевала ко мне, и теперь по пятницам мы чаще собирались в моей квартире. Ничего против такого «вторжения» я не имела, в конце концов, Натали долго нас всех терпела. Тем не менее, еженедельно принимать гостей оказалось занятием весьма утомительным, на следующее утро приходилось заниматься уборкой. Натали же надомной посмеивалась: терпи, дескать, терпи. Однако со време-

нем между нами возникло негласное соглашение: одну пятницу собираемся у нее, следующую – у меня. И этот график соблюдался практически неукоснительно.

Каким-то мистическим образом после моего переезда я, Натали и Таша оказались живущими на одной улице. Таша в самом ее начале – Фрунзе 1а, я – Фрунзе 55, Натали – Фрунзе 59а; номера домов вроде бы близкие, однако от моего дома до дома Натали надо было пройти целый квартал, застроенный длиннющими домами, прозванными в народе «китайской стеной».

Молодость прекрасна своей непредсказуемостью и постоянным ожиданием чуда. Но чуда не в церковном смысле: явления Девы Марии или святого Николая, – а в смысле сюрприза, разумеется, не неприятного. Я уже собиралась ложиться спать, как вдруг зазвонил телефон. Взглянула на часы: ба! да уже не вечер, а ночь – половина первого. Впрочем, мои непредсказуемые друзья могли позвонить и в два, и в три часа ночи – все зависело от градуса настроения и состояния души. Однако день был будний, и я была слегка озадачена. Изумилась еще больше, когда сняла трубку: звонила Натали. Безо всяких предисловий она со смехом поведала мне, что сейчас ко мне заглянет Юрик с новым знакомым, и чтобы я не слишком удивлялась этому знакомому, потому что он негр.

– Кто?! – немного обалдев, переспросила я.

– Негр, – подтвердила Натали и хихикнула, – причем, чер-

ный-пречерный. Они только что от меня ушли и по дороге собирались заглянуть к тебе.

– Да где же он негра-то взял в наших палестинах?

– Он в НЭТИ учится, приехал с Кубы. Они есть хотели, а у меня ничего не было. Сварила кофе, нашла печенье и квашеную капусту. Слопали за милую душу.

– И негр тоже?

– Тоже, тоже, все-таки студент.

Но тут заверещал дверной звонок, и я бросилась открывать. Увидев Юрика на пару с темнокожим парнем в ушанке и теплой куртке, театрально изобразила крайнее изумление, чем доставила обоим огромное удовольствие. Заставила ребят отряхнуться от снега и провела в комнату. У меня даже нашлось чем их угостить: с вечера осталась вареная картошка и колбасы порезала. Посидели за столом, пообщались. Горячий крепкий чай тоже пришелся весьма кстати. Патрик оказался любознательным и дружелюбным парнем и неплохо говорил по-русски. В Сибири ему нравилось все, кроме морозов. Учился он уже на четвертом курсе НЭТИ и после получения диплома собирался вернуться обратно на Кубу. «У нас всегда лето, море, солнце – вздыхал он, мечтательно закатывая темные выразительные глаза, – хорошо». Очень приятный молодой человек, ей-богу. Расстались мы тепло, по-дружески, и больше никогда не встречались. Вообще-то Юрик был склонен к подобным авантюрам, причем, не всегда приятным: запросто мог явиться в гости без приглаше-

ния, в неудобное время, к тому же не один. Однако в его характере присутствовала такая обезоруживающая детская непосредственность, что долго сердиться на него было попросту невозможно, и он этим бессовестно пользовался. Ах, Юрик, Юрик!..

Наступила весна. Неожиданно в середине марта выяснилось, что Юрик катастрофически не успевает с дипломом. Проникнувшись серьезностью момента, Натали и Таша срочно бросились ему помогать. В целях ускорения процесса, Юрик перетащил к Натали свой кульман: ему надо было успеть выполнить еще несколько чертежей, размерами напоминавших простыни. Он чертил, а Натали с Ташей подписывали чертежи и проставляли на них размеры. Мое участие было дружно отвергнуто, ибо пишу я, как курица лапой; все мое участие сводилось к приготовлению кофе в невероятных количествах. К счастью, общими усилиями успели уложиться в срок.

Защищался Юрик в двадцатых числах мая. В тот судьбоносный день мы отчаянно болели за него и, отдавая дань старой студенческой традиции, ругали, на чем свет стоит. Слава богу, он удачно защитился! Позвонил Натали из автомата в фойе института и обещал подъехать часа через два, чтобы должным образом отметить незабываемое событие, в котором все мы принимали непосредственное участие. И хотя я была, в основном, на подхвате и только готовила кофе,

в то время как другие буквально шалели от усталости, тем не менее, тоже с гордостью ощущала собственную причастность к общему делу. Однако когда через два с половиной часа Юрик так и не объявился, мы решили, что вполне заслужили поощрение, и приступили к отмечанию его (и отчасти нашего) успеха. В тот день Юрик не появился ни через три, ни через четыре часа, короче, не появился вовсе. Но это уже было не столь важно, ибо мы отпраздновали защиту его диплома, как свою собственную, и нам было хорошо. Только на завтра выяснилось, что по дороге из института его перехватили сокурсники, затащили в общагу отметить столь знаменательное событие, и там он осел до утра. Вполне понятно и простительно.

Но и на следующий день увидеть Юрика нам не удалось: теперь он отмечал защиту диплома в кругу семьи. Лишь на четвертый день он нагрязнул к Натали с огромным букетом цветов. И дальнейшее я знаю с ее слов: она заглянула ко мне в субботу вечером.

– Нет, ты вообрази, этот псих позвонил в дверь в десять часов утра! Надо же было додуматься – явиться в субботу в такую рань. Разбудил меня. Сама понимаешь, после вечера пятницы состояние у меня было соответствующее, я была злая, как черт. Что неудивительно: голова болит, душ еще не приняла, кофе не откушала – в общем, полный копец. И нате вам – Юрик с букетом, довольный и счастливый. Я едва его за дверь не выставила, но потом смиростивилась, увидев его

ошарашенный вид, ну и дипломированный инженер передо мною все-таки. – Она хмыкнула, припомнив представшую ее взору картину, потом продолжила: – Я, конечно, пофыркала на него для порядка, потом отправила в комнату, а сама залезла в душ, отмыкать после вчерашнего. Потом вышла из ванной и отправилась на кухню варить кофе. Приготовила кофе и принесла поднос с чашками в комнату. Нет ничего лучше с похмелья, чем кофе с сигаретой! Пью кофе, чувствую, как мне лучшеет прямо на глазах. И тут вдруг смиренхонько сидевший в кресле Юрий внезапно падает передо мной на колени, сует под нос свой букет и с пафосом делает мне предложение. Ну, чтобы идти по жизни рука об руку до самого погоста. Так и сказал – до самого погоста! Ну, не идиот?

– Что, вот так прямо с лёту и сделал тебе предложение?

– Именно. От неожиданности я отшатнулась – честно говоря, была не готова – и уставилась на него круглыми глазами. И тут же жутко разозлилась, так как нечаянно пролила кофе на свой махровый халат, который привезла из Венгрии, а его черта с два отстираешь.

– Кофе... да, не отстираешь. Ну и?..

– Что – ну и?.. Побежала в ванную застирывать халат. А когда вернулась, сказала, что предложение его принять не могу, не думала об этом и, вообще, он застал меня врасплох. Юрий побледнел, я даже испугалась и стала его убеждать, что он мне всегда был симпатичен, и дело вовсе не в нем, а

во мне, просто замуж я пока не собираюсь. Не вижу себя замужней женщиной. Ибо для меня превыше всего собственный комфорт, а в нашей непростой жизни любая замужняя женщина должна не только пахать на работе, но еще и дома превращаться в домработницу. Это для меня совершенно не приемлемо, потому что я чувствую себя не какой-нибудь там теткой, а дамой. Ну и дальше в том же духе. Понимаешь, не хотелось его обижать, но... поезд ушел. Если бы месяца через два после нашего знакомства он предложил мне замужество – возможно, я согласилась.

– А теперь почему отказала?

– Не по мне он. Человек, разумеется, хороший и муж из него, наверное, выйдет отличный, но... не могу объяснить, не знаю. Может, слабоват характером против меня. И потом, я действительно не очень-то стремлюсь замуж. Вернее, совсем не стремлюсь. Не вижу в этом положительных моментов. Вот ты много знаешь счастливых браков?

Я надолго задумалась. В самом деле, а много ли я знаю настоящего счастливых браков?.. Из моих однокурсниц, выскочивших замуж сразу после института, или же еще на старших курсах, некоторые уже успели не только родить детей, но и развестись. Другие пока живут вместе – и бесконечно жалуется на своих мужей при встречах. Разве что в поколении родителей иногда наблюдаются удачные пары, прожившие вместе всю жизнь, и, конечно, в поколении дедов-бабок – мои, например, вместе уже больше пятидесяти лет. Роди-

тели развелись, когда мне было тринадцать, и я до сих пор на папочку обижена. Вроде очень меня любил, пока вместе жили, потом развелся с мамой, уехал, женился, завел детишек – и меня из своей жизни просто вычеркнул. Даже не позвонил ни разу, скотина! Пожалуй, счастливый брак это своеобразная лотерея с очень маленькой вероятностью выигрыша. И не факт, что повезёт именно тебе.

– Знаю, но мало, – наконец, сказала я. – Из моих знакомых только в предыдущих поколениях.

– Правильно. Так что с браком я пока повременю.

– Но ты хотя бы оставила ему надежду на будущее?

– Я старалась быть деликатной. Честное слово, старалась! – Произнесла она, увидев на моем лице ироническое выражение. – Он, конечно, был разочарован, однако ушел не сразу. Мы еще поговорили о том о сем. И кофе я еще сварила. Ну, что ты ехидные рожи строишь? По крайней мере, он не рыдал у меня на груди.

– Ох, зараза же ты, Натали! Человек тебе в лучших чувствах признался, а ты...

– Что я?

– Не оценила.

– Оценила. Но замуж не хочу.

– Подожди. Вот ты говоришь, он упал перед тобой на колени и сделал предложение. А в любви-то признался хотя бы?

– В любви он мне раньше признавался. И не раз.

– А когда он раньше признавался, ты ему давала понять, что не стоит рассчитывать на продолжение?

– Не помню. Может, и намекала прозрачно.

– Все с тобой ясно, – подытожила я. – Держала влюбленного мужчину при себе на коротком поводке, так, для коллекции.

– Если и держала – что с того? Кокетство не наказуемо. Женщина, которая не флиртует с мужчинами – ошибка природы. И вовсе не обязательно, чтобы дело заканчивалось постелью. Ты разве не такая?..

– Наверное, такая же, – вздохнула я. – Неужели ты с ним даже не переспала?

– Представь, нет. У нас были чисто платонические отношения.

– Юрик, вероятно, воображал другое. Ты нанесла ему глубокую душевную рану, – последнюю фразу я произнесла немного ёрничая.

– Его проблемы, – фыркнула Натали. – И хватит насмехаться! До свадьбы заживет.

– До чьей свадьбы? – не отставала я.

– До его, конечно. Не моей же! И вообще – отвяжись.

И я отвязалась. Расстались мы чрезвычайно довольные друг другом.

На посторонних людей Натали порой производила впечатление холодной и расчетливой кокетки. О романтических отношениях она всегда отзывалась с легкой иронией, безза-

стенчиво флиртовала с мужчинами и, добившись ответного чувства, вплоть до признания в любви, обретала над ними власть и вертела, как хотела. В ее характере явственно проступали черты роковой женщины и, однажды подпав под ее обаяние, мужчины не могли вырваться на свободу и надолго оставались в поле ее притяжения.

Если в ранней юности меня преследовало бессознательное ощущение мужского превосходства над женщинами, то со временем эта иллюзия совершенно растаяла, уступив место своего рода презрению с оттенком снисходительности. Произошло это вследствие тривиальной неразборчивости противоположного пола. Мужчины, которые обхаживали Натали, потом вдруг начинали оказывать знаки внимания мне, а «мои мужчины» неожиданно принимались ни с того ни с сего названивать ей. В результате богатой практики, у меня возникло стойкое убеждение, что мужчинам, в буквальном смысле этого слова, все равно с кем спать. Возможно, я не права, и у кого-то существует более позитивный жизненный опыт.

После неудачного предложения руки и сердца Юрий совершенно пропал из виду, не звонил, не появлялся, судя по всему, болезненно переживая отказ. Однако недели через три возник снова: наверное, трудно оказаться без теплой компании, в которой тебя принимают и любят таким, каков ты есть. В одну из дежурных пятниц он снова явился к Натали и вел себя, как ни в чем не бывало. Она тоже сделала

вид, что между ними ничего не произошло. И хотя внешне он принял предложенные несостоявшейся невестой приятельские отношения, осадок от нанесенной обиды оставался еще долго. Все мы искренне, по-дружески любили друг друга, хотя если быть до конца откровенной: не всегда и по-дружески, ибо равновесие между дружбой и влюбленностью делалось порой настолько тонким, что чаши весов легко могли качнуться из стороны в сторону.

Между тем, Таша и Сержик продолжали развлекать нас своим несколько театральным романом, в котором постоянно кипели страсти, периодически сопровождавшиеся то окончательным разрывом, то бурным примирением. Таша, для которой исполненные драматизма расставания и встречи, были вполне в порядке вещей (чего я искренне не понимала), постоянно пребывала либо в состоянии радостной эйфории, либо в глубокой депрессии, чем непременно стремилась поделиться с подругами. Все-таки любовь – вещь престранная, у влюбленных, словно шоры на глазах. Для любого стороннего наблюдателя было совершенно очевидно: Сержик не настолько влюблён в Ташу, чтобы на ней жениться. Увлечён – да. Но по-настоящему не любит.

Сама Таша, конечно, считала иначе и не придавала значения тому, насколько нежно Сержик порой воркует с Натали: явно не прочь завести с ней роман. Откровенно говоря, я подозревала, что этот самый роман уже давно существует в реальности, вот только просвещать на эту тему Ташу не со-

биралась. «Открывать глаза» на неверного возлюбленного – это уж извините! От него она ни за что не откажется, а ты сразу угодишь в злейшие враги. И потом, если Натали и в самом деле стала очередной пассией Сержика (свечку ведь я не держала), то для Таши это будет слишком жестоким ударом: подобного предательства со стороны подруги она не переживет.

Как-то вечерком я навестила Натали без свидетелей. Хотелось пообщаться наедине, обсудить наши женские дела, посеCRETничать и все такое прочее. Мы удобно устроились в креслах возле журнального столика, потягивали купленное мной по случаю Токайское и откровенничали. Мучимая любопытством, я не удержалась и попыталась издали подобраться к интересующему меня вопросу.

– Кажется, Сержик неровно к тебе дышит, – обтекаемо начала я, бросая пробный шар: захочет говорить об этом или нет?

– Ну и что? – пожала она плечами. – Мы с ним друзья.

– Только друзья? – напрямую спросила я, не слишком надеясь на откровенность.

– Может, и не только, – многозначительно усмехнулась Натали.

– А как же Таша?

– Что – Таша? Официальная подруга Сержика – она. На эту роль я не претендую. Она ни о чем не догадывается. Провсвещать ее я не собираюсь. Ты надеюсь тоже.

– Избави боже, да она с ума сойдет!

– Из-за подобной ерунды сходить с ума, – уголки ее губ презрительно искривились, – не понимаю.

– Потому что ты его не любишь, а она...

– Согласна, влюблена, как кошка. Поэтому чувства ее уважаю и нисколько не собираюсь мешать. Нет здесь никакой проблемы. – Она пожала плечами. – Ну, заходит он ко мне иногда, мы распиваем бутылочку-другую и занимаемся сексом. Не больше.

– Да чего же больше-то?!

– Успокойся, не намерена я его отбивать, – с нажимом произнесла Натали. – И хватит, давай оставим эту тему. Все, что хотела, ты узнала из первых рук. – В голосе ее послышались стальные нотки, для нее предмет разговора был исчерпан. – Кстати, тут на днях звонил Иван, тебе тоже привет передавал.

– Иван? Тот самый Ванька-Каин?

– Тот самый, других знакомых Иванов у меня нет.

– И что?

– В гости собирался зайти, когда в городе будет.

Среди наших общих друзей-приятелей Иван – случай особый. Натали познакомилась с ним в студенческие годы, когда их, несколько четверокурсниц Электротехнического института, среди которых оказалась и Натали, отправили на практику в районный городок. Начальником электростанции, куда их прикомандировали, и по совместительству ру-

ководителем практики стал именно Иван. Точное название его должности я не знаю, знаю только, что ходил в начальниках. Лет ему было около тридцати, сильный, решительный, спортивный и невероятно компанейский молодой мужчина. Свое разбойничье прозвище он получил, участвуя в спортивных соревнованиях по боксу. Однажды сильнейшим ударом отправил своего соперника в нокаут, да так, что того срочно увезли в больницу, где он потом скончался, не приходя в сознание. Следствия по этому делу не было: совершенно очевидно – несчастный случай. Но с тех пор к Ивану приклеилось жестокое прозвище «Ванька-Каин». И хотя случилось это давно, еще в его юности, прозвище так и осталось с ним навсегда.

Молодые веселые девушки из областного центра произвели на Ивана большое впечатление, и он сразу с ними подружился. Вследствие чего, по словам Натали, их преддипломная практика превратилась в чрезвычайно приятное занятие, так как теперь они не столько вникали в суть производства электроэнергии, сколько приятно проводили время на природе: пикники организовывал Иван. Красавцем он не был, но был на редкость энергичен и напорист, так что девушки немедленно подпали под его обаяние. И когда ему в голову залетела сумасшедшая идея сплавляться вниз по реке на плоту вместе со студентками и своим другом Андреем, он настойчиво принялся уговаривать барышень отправиться в плавание, живописуя прелести окружающей природы, сво-

бодной жизни на плоту, рыбалку и пр. Склонные к авантюрам Натали с Ольгой согласились, идея показалась им великолепной, две другие девушки отказались.

Сказано-сделано. Обговорили и назначили день отплытия. Практика обещала стать воистину захватывающей. Когда Натали с подругой спустились к берегу, их взору предстал добротный бревенчатый плот с вместительной палаткой и обитым металлом местом для костра. Девушки ступили на плот, забросили вещи в палатку и устроились на надувном матрасе, молодые люди оттолкнулись от берега – и путешествие вниз по Ине началось.

Натали всегда с восторгом описывала это незабываемое плавание, которое для нее, городской барышни, стало чем-то из ряда вон выходящим. Днем спускались вниз по течению, вечером приставали к берегу, разводили костер, варили уху из пойманной днем с плота рыбы, пили вино, слушали охотничьи и рыбацкие байки, которыми их потчевали мужчины, и в полной мере наслаждались жизнью. Нетронутая дикая природа вокруг производила неизгладимое впечатление. Поросшие дремучим лесом береговые склоны и зловещие крики неизвестных зверей по ночам оживляли в памяти сказки о соловье-разбойнике, лешем и прочей лесной нежити. Заметив страх девушек, парни с удовольствием принялись пугать их рассказами о снежном человеке, который ворует женщин и утаскивает их в горы, о медведях-людоедах и волках-оборотнях, – короче, всеми возможными страшилками, какими

потчуют наивных горожан местные жители.

Какое-то время река кольцами извивалась меж горных отрогов, а затем вырвалась на простор Западносибирской низменности и устремилась к Оби, в которую впадает в черте Новосибирска. Парни ловко управлялись с плотом, умело преодолевали встречавшиеся на пути пороги, по очереди дежурили, высматривая впереди по курсу подводные камни и топляки. Девушки загорали на надувном матрасе, лениво наблюдая проплывавшие мимо пейзажи, настолько живописные, что так и просились на полотно художника. Сибирь по сей день притягивает и завораживает путешественников своей первобытной красотой.

Кораблекрушения на всем протяжении пути, слава богу, не случилось, однако неприятного происшествия избежать все же не удалось. В одну из ночей – плыли тогда по Горной Шории – пристали к берегу и стали устраиваться на ночевку. Поставили палатку, испекли картошку, поужинали и, как обычно, засиделись у огня. Где-то поблизости ухал филин, в таинственном мраке за чертой неровного света костра кто-то невидимый шуршал и пофыркивал в лесу. Девушек сморил сон, и они ушли в палатку, а парни остались сидеть у костерка, о чем-то негромко беседуя. Среди ночи Натали разбудил непонятный шум и громкие крики. Она высунулась из палатки и обомлела. Возле догоравшего кострища лежал на спине Иван, над ним склонился шорец с явным намерением выковырять глаз ножом. Со сна и перепуга подсвеченное снизу

пламенем костра лицо шорца показалось ей жуткой личиной древнего скифа, внезапно восставшего из кургана, и она завизжала от ужаса. Следом изо всех сил завизжала подруга. Андрея поблизости не было, зато неподалеку в кустах стоял треск и шум, словно дрались медведи. Шорец с ножом от неожиданности ослабил хватку и упустил Ивана, который ловко вывернулся и тут же набросился на него. Теперь уже поверженный шорец лежал на земле, а Иван от души его дубасил. Из кустов вывалились еще два потрепанных низкорослых шорца, за которыми с тяжелой дубиной неслись Андрей, издавая яростные вопли. И шорцы, и Андрей мгновенно исчезли во мраке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.